

06

10

202-7

Г. П.

(Г. Георгиевский).

Н. 849

Львів. Бібліотека
АН УРСР

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КРАСНОЙ ГВАРДИИ.

Св. м. кн. Г. СССР 1943

Издательство „ФАКЕЛ“:

МОСКВА.

МСМХІХ.

1919

17120-15 15(74p)51-34
+ТЗ(2)5-424

Амурскому 32-ой стрелковой
Командир 91-го полка уполномочен
24 ноября сего года

А. Казаки

Б.ч. Государственной казны
Ивану Николаевичу
Омскому Губернатору
Иркутской губ.

Александровского д.д.д.
Иркутской губернии
дир. Губернии Губернатор

Николаеву
Омскому

Львівська державна
наукова бібліотека
№ 6852

подпись
Губернатору

Львів. Бібліотека
АН УРСР

Что такое Красная Гвардия и для чего она нужна?

«В наши беспокойные дни человек только тогда вполне человек, когда он вооружен. Безоружный народ — раб, потому что он отдан во власть грубой силы».

Артур Арну член Парижской Коммуны.

Говорят, что писателем по известному со-
бытию не может быть сам участник этого со-
бытия, что он внесет в историю личные сче-
ты, самооправдание, самообеление. Но участник ре-
волюционного движения — это лучший работ-
ник для истории революции; его критика ценнее
критики неучастника; одни документы не могут
нарисовать картины во всей ее полноте, не-
могут представить всю сложность событий.
Это особенно относится к тем периодам револю-
ционного движения, когда не до документов,
когда вихрь событий не дает времени запечат-
левать факты на бумаге.

Красная Гвардия встает своей могучей
грудью на защиту интересов пролетариата имен-
но в те моменты революционного движения,
когда никаких документов не пишется, когда
события бесконечной вереницей мелькают пе-

ред взорами, не оставляя следа на бумаге; после таких моментов архивный материал представляет крупницы, не дающие представления о происшедшем; только участники событий могут нарисовать полную картину, дать правильное освещение фактам. Только сами красногвардейцы могут поведать нам славную историю Красной Гвардии; поэтому при составлении очерков по истории Красной Гвардии главным образом уделяется внимание безхитростным, правдивым рассказам самих красногвардейцев, участников социальной-революции.

Но что же такое Красная Гвардия, что такое красногвардеец, для чего они нужны? Вот вопросы, на которые нужно ответить прежде, чем говорить о той роли, которую сыграла Красная Гвардия в деле пролетарской революции, в осуществлении великих идей великого учителя Карла Маркса.

Слово гвардия перешло в лексикон социалиста от империалистов. Оно происходит от старогерманского слова «Warda» или «garda», что значит стеречь, охранять. С древних времен цари и полководцы имели при себе телохранителей, на обязанности которых лежала исключительно охрана своих повелителей. Телохранители постепенно стали об'единяться в особые отряды называвшиеся гвардией. Впоследствии на гвардию возлагалась обязанность не только охранять царя, но и защищать его власть и его государство.

В древней Греции в Спарте охрана царей поручалась атлетам, получавшим почетные венки на народных играх;—эти древнейшие охранители идеи царизма назывались эфоры и число их достигало 100 человек, со временем был сформирован конный отряд телохранителей

царя, называвшихся скиритами. Затем, отряды телохранителей были у Филиппа Македонского и Александра Великого, они участвовали во всех войнах Александра, составляя его последние резервы. Один из таких отрядов телохранителей назывался «дружиной царских любимцев» и пользовался особыми милостями.

В древнем Риме цари точно также охраняли себя 300 отборных всадников телохранителей. Число их мало-по-малу увеличивалось и при Марии достигло значительной цифры, отряды его телохранителей получили название преторианцев. В истории императорского времени преторианцы отмечены, как царские приспешники, отличавшиеся безграничным своеволием и необузданностью.

В средние века для удержания вассалов в повиновении феодалы также нуждались в преданных воинах—телохранителях; эти телохранители носили разные названия: у Карла Великого они назывались скараманами, у Канута Великого—гускарлами и т. д. Впервые под названием гвардии появляются такие царские телохранители, защитники имперской идеи в Италии, и именно в Ломбардии во время войн гвельфов и гибелинов в XII веке, когда приверженцы императорской власти защищали ее от папских покушений. После учреждения постоянных наемных армий гвардию стали разделять на две категории: на гвардию дворцовую, предназначенную для охраны монархов, и на наружную—для участия в боях при императоре. Комплектовалась такая гвардия в империалистических странах людьми отборными по внешнему виду, одевали ее в пышные, яркие одежды, платили большее жалованье, чем другим солдатам, позволяли всякие безчинства, гра-

бежи, разбой. У нас в России впервые такими царскими телохранителями-гвардейцами были опричники Ивана Грозного—гроза для населения.

Выше было указано, что гвардия с XII века стала защитницей не только самого царя, его власти, но и вообще идеи империализма, она боролась за охрану власти царя, за установленный им порядок насилия произвола, за власть знатных и богатых, дворян и помещиков. Гвардия охраняла законы, установленные дворянством и капиталистами; она охраняла собственность богатых, грабительскую их жизнь; за ее спиной укрывалось помещичье засилье в деревне, засилье фабриканта на заводе; она терзала тело трудового народа. Это была гвардия белая.

Что же такое Красная Гвардия? Чем она, отличается от белой гвардии? Красная Гвардия—это телохранитель пролетариата, его власти, идеи социализма. Это гвардия трудового народа, держащая в своих сильных мозолистых руках красное знамя, знамя всех обездоленных, всех угнетенных, всех, кто борется за равенство, за всеобщий мир. Она идет в бой под сенью знамени горящего огнем и золотом, к которому тянутся все, кто хочет, чтобы солнце светило не над трупами убиваемых на полях сражений, а над полями, нивами, садами, городами и селениями мирных народов-тружеников.

Красная Гвардия—гвардия тружеников, поднявших восстание, принявших бой против всех тунеядцев, против всех грабителей капиталистов всего мира. Ее оружие направлено на то, чтобы сократить власть императоров и королей и всех властителей, что построили дворцы для угнетения народов. Ее знамя красное—знамя борьбы, горячий, как кровь, живой, как кровь:

брызги крови павших за свободу окрасили его
и оно горит ярким пламенем.

Белая гвардия—гвардия наемников царей и капиталистов, Красная Гвардия—гвардия рабочих и крестьян, добровольно взявших в руки оружие для защиты пролетарского дела. Красногвардеец—вооруженный пролетарий, передовой боец революции, выполняющий величайший долг—защиты завоеваний революции от ее врагов; он добровольно приносит в жертву своему классу лучшее, ценнейшее, что имеет—свою жизнь; он не продажный наемит и холоп, он боец за идею социализма, он необходим для защиты пролетарских интересов, для защиты земли и воли, для защиты своего дела своей власти, которая им же самим установлена.

Вот что такое Красная Гвардия и для чего она нужна в наши беспокойные дни.

Выяснив этот основной вопрос, перейдем к истории возникновения Красной Гвардии, проведем ясную, определенную грань между Красной Гвардией и другими видами народной гвардии, как например, гвардии мобилей.

Чужестранцу
духовной Битвы

II.

Как родилась Красная Гвардия.

«Подобно выступавшим на арену гладиаторам, рабочие батальоны с высоко поднятой головой смело приветствовали свободу и смерть».

В. Либкнехт «48-й год и Коммуна».

С незапамятных времен народ для защиты своих интересов от притеснений угнетателей брал в руки оружие. Древняя, средняя, новая и новейшая истории знают бесконечный ряд народных восстаний, при чем нередко вооруженные народные массы принимали известную организованную форму близкую к организации армии. Таковы были вооруженные силы великой французской революции, Пугачева, Разина — но тем не менее это не была Красная Гвардия, это не были воины красного пролетарского знамени.

Великая французская революция не была пролетарской, поэтому и к ее защитникам не применимо звание красногвардейцев. Мобильную гвардию 1848 года, состоявшую из детей народа, революционный инстинкт которых не облагораживался присущим промышленному пролетариату классовым самосознанием, точно также нельзя назвать Красной Гвардией.

Но вот 23 июня 1848 года выступают на арену политической борьбы первые батальоны рабочих, поклявшихся бороться за право на работу. «Работа или смерть!» вот их лозунг. Это были первые пролетарские красные батальоны—это нарождалась Красная Гвардия. Остановимся подробнее на столь важном историческом моменте.

21 июня 1848 г. в ответ на требование парижских рабочих декретировать право на труд Люксембургская Исполнительная комиссия издала декрет, который категорически требовал, чтобы 110,000 рабочих национальных мастерских или поступили в армию, или же были готовы к отправке в Солунь.

Пролетариату был брошен вызов. Однако пролетариат воздержался, он хотел сделать еще одну попытку мирным путем добиться, хотя бы частично, своего права не голодать. Поэтому 22 июня 1500 рабочих отправились с развевающимися знаменами, под предводительством Пюжоля, в Люксембургский дворец, где заседала Исполнительная комиссия, и потребовали «гражданина Мари», главного вдохновителя мероприятий, направленных против рабочих.

Мари принял Пюжоля; последний развил основания, заставляющие рабочих быть довольными последним декретом и энергично протестовал против него.

Мари на это ответил: «Понимаю, но заметьте вот что—если рабочие, не пожелавшие вступить в ряды армии, будут сопротивляться отъезду в провинцию, то мы силою заставим их сделать это. Силою! Поняли?»

— «Силою?! Прекрасно,—возразил Пюжоль,—мы теперь знаем с кем имеем дело. Прощайте, гражданин!»

Восстание рабочих 1848 г. в Париже. 22 июня рабочие направились в Люксембургский дворец, чтобы потребовать от исполнительной комиссии «гражданина Мари», главного вдохновителя мероприятий, направленных против рабочих.

Восстание рабочих 1848 г. в Париже. 22 июня рабочие направились в Люксембургский дворец, чтобы потребовать от исполнительной комиссии «гражданина Мари», главного вдохновителя мероприятий, направленных против рабочих.

В 8 часов вечера около 5000 рабочих собралось у Пантеона. Грозно звучали их речи. «Лучше умереть в борьбе, чем медленно умирать голодной смертью! Работа или смерть!»

На другой день в 6 часов утра у Пантеона собралось 8—10 тысяч рабочих с красными флагами. Организаторы, имевшие повязку на левой руке, выстроили рабочих в стройные колонны и вся эта масса голодных, жаждущих труда людей двинулась к площади Бастилии. С гробовым молчанием прошла эта масса вокруг колонн богини свободы, воздвигнутой на том самом месте, где некогда стояла Бастилия—этот грозный мрачный символ рабства.

От Бастилии рабочие колонны двинулись на улицу Сен-Дени. Достигнув Сен-Дени, рабочие быстро приступили к сооружению баррикад и вооружились. Сначала не было никакого противодействия со стороны полиции и правительственных войск. Но мало-по-малу завязался бой. Против рабочих была двинута регулярная армия. Рабочие храбро сражались на баррикадах под красными знаменами равенства и черными—голода.

В этой борьбе принимали активное участие не только мужчины, но даже женщины и дети. Когда мужья с оружием в руках отстаивали баррикады, жены изготавливали порох, дети занимались отливкой пуль из свинца и олова, переливая даже наперстки матерей на пули для ружей отцов. Ночью, когда, утомленные дневным боем, борцы спали девушки приносили камни, доски, бочки и укрепляли баррикады; многие из них с ружьем в руках стояли на часах.

На всех пунктах бой кипел с ожесточением и яростью. Если войска брали одну из баррикад

рабочих штурмом, то все защитники-рабочие тут же расстреливались. Со всех ближайших городов в Париже были вызваны части национальной гвардии для защиты дела «порядка» от «взбунтовавшихся рабов».

На улице Сен-Северен «мобильная гвардия» выбрасывала рабочих из окон взятых приступом домов, приговаривая: «Не стоит для этих подлецов тратить заряды».

Так продолжалось до утра 26 июня, когда пала последняя позиция пролетариата. Тут начались повальные расстрелы рабочих, входивших в состав доблестных рабочих батальонов. Так расправлялись правительственные войска «с побежденными, но все же победившими», как образно выразился В. Либкнехт.

Это было первое выступление рабочих вооруженных батальонов, которые с полным правом можно назвать первыми частями Красной Рабочей Социалистической Гвардии.

23 июня 1848 года родилась рабочая Красная Гвардия. Родилась она не по заранее разработанной схеме, она возникла стихийно, она организовалась самой жизнью. Она не имела ни своих уставов, ни своей писаной конституции, но она была воодушевлена революционным пролетарским подъемом, величием идеи—это было ее организациею, ее силой и мощью.

Жестока была расправа со сдавшимися в плен рабочими. В прокламациях, выпущенных правительством, громогласно объявлялось, что раскаявшиеся рабочие будут приняты республикой, как кающиеся братья, что Париж не увидит больше ни одной жертвы.

Рабочие, видя, что дальнейшая борьба бессмысленна, сдались в плен, веря в искренность правительства. Но пленных не пощадили; многие

из них были тут же на месте расстреляны, других убивали по дороге в городскую ратушу; часть была сброшена в воду с моста Луи-Филиппа, часть с набережной у городской ратуши, при чем пытавшихся спастись вплавь расстреливали.

Часть пленных была заключена в подвалы городской ратуши, где они стояли сплошной толпой в темноте по пояс в воде. Пленных в эти подвалы стаскивали по крутой лестнице; разбитые израненные они скатывались в подвалы, где их 3 дня держали без пищи, время-от-времени расстреливая в отдушины подвалов. Тех, которые от усталости или от ран падали в грязную воду, оставляли там, а другие про-должали стоять в этой грязи.

Так погибли первые красногвардейцы, но не погибла их идея, не погибла в рабочих массах вера в свою гвардию, в свою вооруженную силу, в 1871 году снова появилась на политической арене рабочая гвардия, снова она в Париже вела бой за дело пролетариата, но тут она организовалась совершенно иным путем. В 1871 году во время Парижской Коммуны было первое победоносное возрождение пролетариата и его Красной Гвардии, но именно «возрождение», а не нарожение, Красная Гвардия родилась 23 июня 1848 года, но тогда она не успела стать на ноги и окрепнуть.

III.

Красная Гвардия Парижской Коммуны.

«Парижская Коммуна—это первое победоносное возрождение пролетариата—это первая пролетарская революция».

Э. Вандервельде.

4 сентября 1870 года, как следствие разгрома французской армии под Седаном, в Париже вспыхнула революция, империя была низвержена и провозглашена республика. Образовалось Правительство Национальной обороны. Пролетариат, в виду наступления на Париж прусских полков, временно забыл свое недоверие и вражду к буржуазии и предоставил себя в распоряжение республики. Все способные носить оружие были вооружены и зачислены в национальную гвардию, при чем большинство в ней составляли рабочие; они массами приходили в мэрии, требуя скорей выдать им оружие.

Уже 14-го сентября национальная гвардия была сформирована и генерал Трошю, комендант парижской крепости, произвел ей смотр. Через шесть недель национальная гвардия имела прекрасный вид, ее батальоны выгодно отличались от регулярной армии. В один день национальный гвардеец с успехом усваивал то, на что солдат тратил месяц.

Но это все же еще не была Красная Гвардия в полном смысле слова, в ее рядах рабочие составляли только большинство, задача ее была защита Парижа, а не классовых интересов пролетариата. Однако, на сентябрьскую национальную гвардию следует смотреть, как на зародыш будущей Красной Гвардии Парижской Коммуны.

31-го октября рабочие батальоны захватили ратушу и арестовали нескольких членов правительства. Отсутствие разработанного плана и предварительной организации погубило дело рабочих батальонов. Против рабочих батальонов выступили батальоны мелкой буржуазии — это обстоятельство пробудило в гвардейцах рабочих батальонов классовое самосознание, тем более, что во главе этих батальонов было не мало вождей Интернационала.

28 января 1871 года Париж сдался, гарнизон сложил оружие и был объявлен военнопленным; но национальная гвардия, состоявшая к тому времени уже почти исключительно из рабочих, сохранила свое оружие и пушки, она решила остаться на страже своих интересов.

Помня неудачу 31-го октября, рабочие приступили к организационной работе. Национальной рабочей гвардии была дана федеративная организация. Эта организация объединила роты и батальоны, образовала обширную ассоциацию, подчиненную своим уставам, управляемую и руководимую своими собственными депутатами. В виду опасения быть обезоруженной, национальная гвардия в своей организации исходила из великого социалистического принципа: самоуправление и федерация — независимость групп при свободном их соединении между собой.

Национальная гвардия отвергла принцип назначения начальников, она не желала, чтобы

во главе ее был поставлен человек чуждый пролетарских интересов, офицер из армии. Было объявлено, что все командиры национальной гвардии, от капрала до генерала, назначаются по выбору. Число батальонов было доведено до 215, состоявших, по крайней мере, из 200 тысяч гвардейцев, бывших в боях.

Глава республиканского правительства, Тьер, понимая, что пока парижские рабочие вооружены, господство имущих классов — крупных землевладельцев и капиталистов не прочно, решил обезоружить национальную гвардию.

Во время оккупации предместий Парижа пруссаками, национальная гвардия увезла свою артиллерию для спасения от врага на Монмартрские высоты и охраняла ее своими караулами. Правительство решило, в первую очередь, отобрать у национальной гвардии эту артиллерию. Рабочие Парижа постановили защищаться против всякой попытки разоружения.

Тьеру было важно напасть на рабочую гвардию до полной ее организации, до того, как она станет могучей пролетарской вооруженной силой, до слияния парижской гвардии с остальной Францией. Он спешил.

18-го марта рано утром линейные войска правительства были двинуты к Монмартру под командой генерала Леконта для захвата артиллерии национальной гвардии.

Одна из колонн генерала Леконта, не встретив большого сопротивления, хотя и была обстреляна, взяла в плен один из передовых постов гвардии и немедленно приступила к увозу пушек, но оказалось, что не хватает лошадей и упряжи, произошла заминка.

Этим воспользовались рабочие. Забили барабаны, заиграли сигнальные рожки, националь-

ные гвардейцы со всех сторон устремились к сборным пунктам. Немедленно был собран «Комитет бдительности» и сформирована особая колонна для отбития вершины, вместе с этой колонной национальных гвардейцев пошли жены рабочих защищать свои пушки.

В этот момент национальная гвардия становится подлинной рабочей Красной Гвардией, охранительницей пролетарских интересов.

Быстро подходили к Монмартру со всех сторон вооруженные рабочие и работницы; генерал Леконт со своими батальонами оказался окруженным. Женщины бросились к пушкам и овладели ими. Они силой отбивали у солдат захваченные уже пушки; они бросались в ряды солдат, умоляя их не стрелять в своих братьев; убеждая одного за другим, они отбирали у них ружья и вооружались сами. Скоро солдаты начали братанье с рабочими. Генерал Леконт приказал солдатам стрелять в рабочих; сержант скомандовал «ружья вверх». Солдаты не исполняют команды генерала—повинуются сержанту. Начинаются аресты офицеров.

В этот день между национальной гвардией и солдатами не было сражения в полном смысле слова, со стороны национальной гвардии было 3—4 раненых.

Отразив покушение правительства на разоружение рабочих, национальная гвардия судорожно стала готовиться к дальнейшей борьбе; закинула работа по возведению баррикад на улицах, примыкающих к площади ратуши. На самой площади за баррикадами поместили артиллерию. Национальная гвардия заняла все караулы. Здание ратуши было обращено под помещение главного штаба. У дверей в здании ратуши стали парные часовые из рабочей гвардии.

26-го марта была выбрана и 28-го провозглашена Парижская Коммуна. Центральный Комитет национальной гвардии передал свои полномочия Коммуне. 30-го марта Коммуна уничтожила конскрипцию и постоянную армию, объявив национальную гвардию единственной вооруженной силой. За эти дни резко проявился классовый характер движения, национальная гвардия стала чисто классовой вооруженной силой. Во главе управления национальной гвардии находилось три делегата от Коммуны: Кюзере, капитан Россель и Делеклюз; среди народных генералов национальной гвардии следует отметить имена: Эд, Бермерэ, литейщик Дюваль, Домбровский. Флуранс, Амилькар Чиприани, последний был начальником генерального штаба Коммуны, Ла-Сесилия, Околович, Врублевский.

3-го апреля, национальная гвардия произвела неудачную вылазку в направлении на Версаль. Рабочие батальоны неожиданно попали под картечный огонь и были рассеяны. Дюваль и Флуранс были убиты, рабочие батальоны потеряли двух борцов, преданных делу пролетариата. Этот печальный урок заставил Коммуну обратить особое внимание на организацию обороны.

Забота о преобразовании гвардии была вверена генералу Кюзере, который должен был действовать под наблюдением комиссии, составленной из членов Коммуны.

Прежде всего Кюзере запретил всякие вылазки до особого приказа, возложив на национальную гвардию лишь защиту фортов и укреплений. Это время он имел в виду использовать для реорганизации национальной гвардии. Его проект заключался в разделении батальонов по возрастам на две категории, на боевые, укомплек-

11 849.

2

Львівська державна
наукова бібліотека

6852

Львів. Бібліотека
АН УРСР

товываемые рабочими от 19 до 40 лет, и тыловые, состоящие из лиц старше 40 лет.

Такое искусственное деление рабочих на батальоны по возрасту было большой ошибкой. Нужно было понимать, что в национальной рабочей гвардии каждый батальон, каждая рота — это настоящая семья, состоящая из товарищей по мастерской, живущих на одной улице, в одном доме, и что, разрывая эту нравственную связь, уничтожалось глубокое, разумное единство частей, столь необходимое в интересах дела и службы.

Обсуждая эту меру, член парижской Коммуны Арну писал: «Все величие и все оправдание гражданской войны, войны политической, состоит в сознании борцов, которые являются не только солдатами, но живыми идеями, такую войну нельзя вести как войну против иноземного вторжения. Тут невозможно никакое разделение... Организуя походные роты и роты осадные, достигли того, что между теми, которые в силу закона не участвуют в битвах находятся люди преданные, решительные, энергичные, готовые с радостью пролить свою кровь под красным знаменем, тогда как рота, которая по возрасту должна идти в огонь, набирается с трудом и ее состав вследствие дезертирства и сопротивления непокорных, почти всегда ниже того, какой можно было бы требовать».

Нельзя не согласиться со справедливым замечанием Арну, действительная жизнь подтвердила это как нельзя лучше. Многие рабочие батальоны отказались подчиниться этому декрету, а те, которые подчинились, не производительно тратили драгоценное время на тяжелую и длинную работу распределения по возрастам и на двойные выборы командного состава.

Клюзере упустил из вида главное, что национальная гвардия Парижской Коммуны—это не постоянная армия, а рабочая временная Красная Гвардия, на которую историей возложено совершить переворот, охранить власть пролетариата в первые дни ее существования, а затем уступить место армии, организуемой на тех или иных началах.

Ошибку Клюзере учла наша пролетарская октябрьская революция и предоставила Красной Гвардии формироваться так, как она сама того хотела, не вмешиваясь в ее внутреннюю жизнь, и не возлагая на нее непосильных задач, задач, разрешаемых регулярными армиями.

Опыт Парижской Коммуны и история национальной гвардии, первой пролетарской гвардии оказали громадное влияние на организацию и работу нашей Красной Гвардии в памятные октябрьские дни 1917 года; изучение истории организации и борьбы национальной гвардии с версальским правительством облегчает понимание многих событий 1917 года, поэтому необходимо несколько подробнее остановиться на начальной фазе развития рабочей Красной Гвардии.

Ошибка, сделанная Клюзере распоряжением о делении национальной гвардии на две категории по возрастам, повела к тому, что были установлены случаи перехода отдельных недостойных гвардейцев на сторону врага, а также бегства с поля сражения при первом же неприятельском выстреле. История нашей Красной Гвардии таких случаев почти не знает, правда, иногда она вынуждена была отступать под натиском превосходящих сил немцев, но не перед своим классовым врагом, она отступала с боем, но не обращалась в паническое бегство.

Случаи нарушения дисциплины и даже измены были в национальной гвардии *). Военные делегаты заявили о необходимости организовать военный совет в национальной гвардии, учреждение мало желательное, но необходимое в виду отмеченных фактов, явившихся результатом неудачной реформы Кюзере. Проект декрета был разработан, он устанавливал смертную казнь для изменников. После бурных прений проект декрета был принят с поправкой, что ни одно наказание не может быть приведено в исполнение без подтверждения комиссии из членов Коммуны.

Другая весьма серьезная ошибка, допущенная Кюзере и национальной гвардией—это небрежное отношение к возведению баррикад на улицах Парижа. Для борьбы гражданской, для борьбы с версальским правительством нужны были баррикады, как они нужны в каждой гражданской войне, где методы ведения боя отличны от войны с внешним врагом.

За два месяца существования Парижской Коммуны стотысячная национальная гвардия могла создать три—четыре цепи баррикад и укреплений в городе, забаррикадировать дома и создать из Монмартра настоящую крепость, недоступную для версальцев. План постройки баррикад был составлен, Коммуна основала комиссию баррикад, отдавала безконечные приказы, расходовала массу денег, но баррикады до 21-го мая не возводились и только, когда версальцы ворвались в город, спешно стали

*) В четвертом легионе два командира батальонов перешли на сторону версальцев. Командиры не раз под разными предложениями оставались позади своих батальонов, умирающих на аванпостах.

возводить баррикады без всякого плана, без связи между собой.

Объясняется это тем, что в военном министерстве сидели специалисты, не верившие в баррикады, как в средство обороны; они глухо сопротивлялись постройке баррикад, считая их совершенно бесполезными и даже вредными с военной точки зрения. Дни 21 и 22-го мая показали обратное—отсутствие баррикад ускорило развязку и увеличило число жертв.

Это обстоятельство было учтено в 1905 и в 1917 годах, когда в Питере и Москве баррикады сооружались на улицах с первых минут гражданской борьбы.

Во главе национальной гвардии по преимуществу стояли военные специалисты—генералы, бездарные, лишённые революционного подъёма люди рутинны. Неудовлетворителны были также, учреждённые в каждой мэрии, советы легионов; они доставляли много забот членам Коммуны, создавали различные затруднения и были источником различных столкновений, вносивших раздор в дело обороны.

Кроме совета легиона был ещё генеральный штаб легиона мэрии, на обязанности которого лежала строевая и тактическая часть работы легиона.

С одним из таких генеральных штабов легиона имел частые сношения член Коммуны Артур Арну, который так описывает начальника этого штаба подполковника Гиллета.

«Это был рабочий, но рабочий-артист, один из тех отличных рабочих, из ряда вон выходящих, более артистов, чем ремесленников, которые составляют славу и богатство парижской промышленности. Он был художник в мебельном деле. Когда являлся заказчик от какого-

либо иностранного принца или миллионера француза, он составлял салон, спальню, рабочий кабинет или туалетный кабинет и т. п. и я видел в этом отношении его рисунки красками, настоящие маленькие произведения искусства по вкусу и роскоши. Ему можно было дать лет 28. Он рано женился и имел двух детей; чистокровный парижанин, от отца к сыну, с раннего возраста предоставленный собственным силам, бледный и хрупкий, как и все парижане, он страдал болезнью легких, которая подтачивала его силы. Я никогда не видал лучшего мужа, человека более порядочного, более скромного; весь свой заработок он приносил своей маленькой семье, несмотря на то, что его возраст, его темперамент и характер влекли к удовольствиям. Он жил въ двух маленьких тесных мансардах, без воздуха, где царил беспорядок артиста и парижского рабочего»...

«Во время Коммуны он сделался помощником начальника легиона. Бледный и больной, еще более похудевший, он в течении двух месяцев оставался на службе по 24 часа в сутки, проводя ночи не раздеваясь на худом матраце в углу своего бюро. Всегда вставая первым, по первому сигналу, всегда в движении, безжалостно изнуряя свое тело, он вскакивал на лошадь, чтобы проводить батальоны округа на место сражения, отдавая свои силы, больше того, свою жизнь с неслыханной расточительностью. Во время последней недели Коммуны за одной баррикадой видели его труп со штыковой раной».

Батальоны рабочих имели красные знамена с золотой бахромой, посредине была выпита золотом надпись: «Парижская Коммуна». Знамя

вручалось при торжественной обстановке перед отправлением в бой членами Коммуны.

Потери среди рабочих батальонов за время Коммуны были громадны. Число убитых не преуменьшалось, хоронили убитых среди белого дня, воздавая последнюю дань уважения. Для всех похороны были одинаковы: черные дроги, украшенные красными знаменами, впереди барабанщики, затем оркестр легиона, далее 30—40 похоронных дрог, иногда на каждом дроге по 5—6 черных гробов с останками героев; по бокам гвардейцы с ружьями дулом вниз. За дорогами вдовы и сироты, члены Коммуны, представители муниципалитета, офицеры, рабочие и рота гвардейцев, замыкавшая шествие.

Кроме боевой работы на рабочую гвардию Коммуны возложена была служба гарнизонная. Правительство Коммуны имело исключительно рабочую охрану; она была так хороша и надежна, что никогда ни у одного члена Коммуны не являлось опасения в недостаточной бдительности часовых, охранявших то или иное учреждение, тот или иной пост. Ни одно правительство в мире не имело такой надежной стражи. Рабочая гвардия обнаруживала при несении гарнизонной службы исключительную честность, неслыханную точность выполнения мельчайших требований, она, безропотно преодолевая усталость, ни на минуту не ослабляла бдительности, опасаясь на каждом шагу заговора, измены, нападения.

По словам участников Коммуны, после 10 часов вечера нельзя было без пароля ни войти в думу, ни выйти оттуда. Ни перевязь члена Коммуны, ни пропуск не помогали.

«Всякий может достать перевязь или украсть пропуск», говорили часовые.

«Несмотря на то, что часовые менялись ежедневно,—рассказывает один из членов Коммуны,—никогда никого я не мог поймать. Мне вспоминается один характерный эпизод. Была холодная ночь, в течение нескольких часов шел проливной дождь. Улицы были совершенно пусты, часовых не было нигде видно. Я думал, что они, измокшие и продрогшие, в виду полнейшей пустоты на улицах, ослабили свой надзор и укрылись где-нибудь. Было два часа ночи, я шел из комитета общественного спасения. Но не прошел я десяти шагов, как из ворот показалась тень и остановила меня,—это был часовой. Так повторялось каждые 10—15 шагов, то из-под ворот, то из-за выступа стены, то из-под ниши раздавался окрик, «кто идет?» «что пароль!» В эту ночь ни один часовой не спал, ни один не оставил своего поста».

Итак, в общих чертах я охарактеризовал рабочую гвардию Парижской Коммуны, я назвал ее Красной Гвардией Коммуны, я сказал, что это была первая пролетарская гвардия. Однако следует ввести некоторую поправку, указать одну существенную черту национальной гвардии, отличающую ее от Красной Гвардии в буквальном смысле слова.

Национальная гвардия Парижской Коммуны была единственной вооруженной силою Парижа, там не было кроме национальной гвардии никакой другой армии, она выполняла все функции вооруженной силы: она совершала пролетарскую революцию, она боролась с классовыми врагами, она же отражала и иноземное вторжение, защищая интересы и национальные, а не только классовые. Красная Гвардия в чистом виде есть пролетарская гвардия, борющаяся ис-

ключительно за классовые рабочие интересы, охраняющая власть только пролетариата—его интернациональную диктатуру.

Общая численность национальной гвардии достигала 100.000 человек; но не вся эта вооруженная масса состояла из красногвардейцев—рабочих, в ее рядах были и мелкие чиновники империи, и адвокаты, и журналисты, и лавочники, и даже буржуа; некоторые батальоны были почти сплошь такого буржуазного состава. Командный состав этих батальонов был исключительно белогвардейский, там не было ни одного офицера из рабочих.

Внешним отличительным признаком национальных гвардейцев были трехцветные наручники; офицеры носили шляпы с плюмажем, но этого украшения не признавали те офицеры, которые работали в пролетарских батальонах, офицеры из рабочих. Военный министр Коммуны генерал Кюзере никогда не носил мишуры и плюмажа, он всегда ходил в штатском пальто, в мягкой фетровой шляпе с палкой в руке. В таком же костюме он первый вошел в форт д'Иззи, оставленный гвардейцами, в таком костюме он участвовал в сражении у д'Асниер, где во главе колонны коммунаров он занял этот пункт, отбив его у версальцев.

В заключение нельзя не отметить, что в рядах национальной гвардии были и женщины, но исключительно женщины работницы. Так между прочим баррикаду на Белой площади 23-го мая защищали исключительно женщины. Вследствие численного превосходства противника они отступили на баррикаду Пигаль и ее защищали только своими силами.

Время с 18 марта по 28 мая 1871 года было эпохой возрождения и расцвета рабочих красных

батальонов, в эти дни они приняли кровавое крещение. Еще не вполне организованные, не очистившиеся от наслоений мелкой и средней буржуазии, рабочие батальоны красногвардейцев вступают в неравную борьбу с регулярной армией версальцев. Однако версальцам сломить сопротивление рабочих удалось, только тогда, когда рабочие батальоны были уничтожены. По данным собранным В. Либкнехтом за время Парижской Коммуны 25.000 рабочих мужчин, женщин и детей пало в боях или были убиты после боев, три тысячи умерли в тюрьмах, 13.000—были сослано.

IV

—«Пролетарии! Помните Коммуну»!

Кровавая неделя приближалась к концу; версальцы теснили рабочие батальоны от баррикады к баррикаде. Решив защищаться до самой смерти, гвардейцы Коммуны не думали ни об еде, ни об отдыхе; некоторые из них кончали самоубийством, ряды их все более и более редели, они местами защищали баррикады целыми часами один против ста. Захваченных на баррикадах живыми расстреливали у стены.

дается в печати призыв к вооружению, призыв рабочих к борьбе в рядах красных батальонов против всемирного капитализма.

Альбер Тюрлян, заканчивая свою историю Парижской Коммуны, восклицает: «Пролетарии! Помните Коммуну!.. В полуварварском обществе, в котором мы живем, надо уметь защищаться, и мы говорим: «Да здравствует вооружение народа!», но лишь до того радостного дня, когда работники всей вселенной стряхнут с себя иго капитала и монархии, когда, наконец, осуществится то желание, которое мученики 1871 года провозглашали и в дни их торжества и в мрачные дни поражения на баррикадах кровавой недели».

На социалистических собраниях и конференциях стали все настойчивее и настойчивее раздаваться голоса о необходимости вооружения рабочих и обучении их владеть оружием. Это требование выставлялось всеми программами социалистических партий; всем было ясно, что без рабочей Красной Гвардии сломить иго капитализма не мыслимо, что нужно в тайне организовывать красные вооруженные ячейки, запасать оружие и учиться военному делу вообще, а стрелковому в частности.

Однако империализм и капитализм зорко следили за ограждением своей прерогативы — права на вооружение, и с большим трудом социалистическим партиям удавалось под разными предлогами добиваться разрешений на образование стрелковых обществ, в которых рабочие совместно с буржуазией могли бы изучать стрелковое дело и исподволь готовиться к предстоящему последнему и решительному бою «Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,

Отвоевать свое добро»...

Такие общества прежде всего стали возникать в странах с наиболее либеральным образом правления. Особенное распространение стрелковые общества получили в Швейцарии, в Норвегии, в Швеции и в Дании; затем в Италии, в Японии. Во Франции в Париже в 1888 году возникло первое общество стрельбы, военного обучения и гимнастики, через два года подобное же общество было образовано с отделениями во всех департаментах.

В эти общества, хотя и был открыт доступ пролетариату, но характер их был по преимуществу буржуазный и рабочие не охотно поступали туда. Еще хуже обстояло дело в царской России, где первое стрелковое общество возникло в эпоху жесточайшего угнетения пролетариата. В конце 1899 года был утвержден устав южно-русского стрелкового общества в Одессе, распространявшего свою деятельность на 14 южных губерний. Это было первое стрелковое общество в России, по его образцу были образованы общества и в других местностях, главным образом там, где преобладало немецкое население (в Петербурге общество «Пальма», в Риге, в Лодзи, в Александрове, в Згерме и др. городах). По уставу этих обществ членами могли быть лица без различия сословий, но «лица иудейского исповедания в члены общества не допускаются» гласил устав. В 1906 г. начался разгром этих обществ. До этого года стрелковые общества «Войма» особенно были распространены в Финляндии. Партия Дашнак-цзун на Кавказе получила при наместнике Воронцове-Дашкове право заниматься военной подготовкой армянской молодежи для борьбы против татарских банд.

Учиться стрелять разрешало правительство,

*Учредить стрелный Кайсеровский
Институт Кайсеровский
Финляндский стрелный*

но иметь оружие, иметь свою винтовку признавалось преступлением, караемым чуть ли не каторжными работами. Естественно, что в таких условиях развитие идеи вооружения рабочих и организации Красной Гвардии не могло проводиться в жизнь, только тайком рабочие могли обсуждать планы организации рабочих отрядов, оценивать и критиковать действия коммунаров, теоретически поучаясь у них. Тем не менее рабочие организации различными способами, тайно от зорких глаз полиции и жандармерии с большим, риском стараются заготовить оружие.

С какими трудностями было сопряжено получение оружия нашими рабочими видно хотя бы из следующего эпизода подготовительного к революции 1905 года периода.

Из Швейцарии для Кавказа была выписана партия оружия и боевых припасов. Их привез на Потийский рейд в середине ноября иностранный пароход. Остановившись далеко в море, он послал шлюпку уведомить заранее указанное лицо. К ночи поднялась буря, и выход в море баркасов за грузом грозил немалой опасностью, но оставлять далее пароход на рейде было рискованно. Необходимость понуждала немедленно с разгрузкой, и к пароходу пошли три баркаса. Два из них дошли только на рассвете; третий сбился с пути и погиб. Сдав две трети груза, пароход ушел в море, а нагруженные баркасы пошли по направлению к установленному пункту — скале, где надеялись разгрузиться тайком; но, подхваченные сильным ветром, они очутились в порту, среди целой флотилии пароходов и лодок. Пришлось разгрузиться на людном берегу и сделать это так ловко, чтобы не привлечь внимания пограничной и портовой стражи.

Ящики вскрывались на баркасах и груз уносился по частям рабочими мингрельцами и гурийцами, которые, незаметно передавая его из рук в руки, доставляли на берег.

Нечаянный выстрел, произведенный одним из рабочих, заинтересовавшимся новой, неизвестной ему системой затворов винтовки, выдал тайпу. На выстрел прибежал жандарм и таможенные досмотрщики. Между ними и рабочими грузчиками завязалась перестрелка, во время ее значительная часть ружей и патронов все же была укрыта. Стражей и казаками были конфискованы 31 ящик винтовок, по 20 штук в каждом, и 54 ящика патронов. В перестрелке были ранены казак и двое рабочих.

В руки пограничник попал лишь один баркас. Другой, воспользовавшись минутным смятением, наступившим в начале перестрелки, ушел в море. Начальник береговой полиции тщетно плавал на катере от одного парохода к другому, прося их догнать и арестовать беглеца—никто не соглашался. Однако на берегу сыскался волонтер, предложивший свои услуги за соответствующую мзду. Это был один из уволенных с пароходов Русского Общества Пароходства и Торговли помощник капитана. Взяв казаков, он поплыл на катере «Рион» и догнал беглеца ночью в расстоянии 25 верст от Сухума. Помощь «Риону» оказала канонерская лодка «Донец». На баркасе было конфисковано 1200 винтовок и 40 ящиков патронов.

Невзирая на неудачу, постигшую оба баркаса, значительная часть ружей оказалась в руках населения, главным образом крестьян и портовых рабочих.

Много содействовали вооружению рабочих и крестьян, особенно на Кавказе, дезертиры, ухо-

*множество содействовало
вооружению крестьян
Февраль 1904*

дившие после мобилизаций 1904—1905 гг. из частей войск с оружием. То же явление наблюдалось и в губерниях Царства Польского.

На Кавказе вооружались армяне, татары и грузины, при чем у армян вооружали по преимуществу члены партии Дашнак-Цуцон, а у грузин те из рабочих и крестьян, которые предназначались на укомплектование красных дружин или сотен, известных под названием цителиразми.

Как на исключительный случай выдачи рабочим оружия самим правительством следует указать на вооружение тифлиских революционных организаций в ноябре 1905 г. Вышло это при следующих обстоятельствах. В ноябре между татарами и армянами в Тифлисе произошло вооруженное столкновение в районе железнодорожной станции; татары со всех сторон стали стекаться к городу, чтобы отомстить за убитых товарищей. Власти были бессильны предотвратить междоусобицу, возникшую на почве, подготовленной самим же правительством.

В виду такого положения дел администрация обратилась за содействием к революционным рабочим организациям и, заручившись их согласием выступить в качестве вооруженной силы, устроила у помещника прием для представителя социал-демократов Исидора Рамишвили, которому удалось убедить помещника Воронцова-Дашкова сделать распоряжение о выдаче из арсенала в распоряжение партийных рабочих 2000 винтовок Берда и соответствующего количества боевых патронов. Арсеналом было выдано только 500 винтовок, да и то наполовину негодных. Через несколько дней под давлением «русского патриотического общества» помещник отменил свое распоряжение и предложил Рамишвили сдать оружие.

В губерниях Царства Польского рабочие различными способами стремились получать оружие из-за границы; доставка ружей и револьверов шла контрабандным путем через «зеленую рогатку», как там говорили. Получение оружия не было сопряжено с такими опасностями, как на Кавказе, но тоже не раз большие партии оружия попадали в руки пограничной стражи и жандармерии.

Рабочие Петербурга получали оружие через Финляндию и снабжали им своих московских товарищей; но приток был незначительный и вооружение шло медленно, в виду чего декабрьское московское восстание застало рабочих не достаточно вооруженными и организованными в тактическом отношении.

Вооружались также и рабочие Прибалтийского края. Все они сознавали, что для перехода к новому строю придется выдержать борьбу, а для этого необходимы отряды вооруженных рабочих, необходим строжайший порядок в распределении получаемого оружия между рабочими районами и между отдельными партийными рабочими группами.

Собственно организационной работы по созданию частей и штабов Красной Гвардии, как это было после февральского переворота семнадцатого года, в этот период не было; такая работа по условиям режима была совершенно немыслима не только в России, но даже и в более прогрессивных странах. Восстаний рабочих не было.

В виде исключения можно указать на Китай, где в 1900 году вспыхнуло вооруженное восстание боксеров, носившее отчасти характер пролетарского, с некоторым оттенком национального движения.

Пролетариат Китая восстал против «белых чертей», поработивших экономически всех китайских рабочих и крестьян, против европейского капитализма. Движение, как известно, началось в провинции Шань-дун, во главе его стала партия «И-хэ-туань», или «боксеров», быстро приобретшая большое значение в Китае. Отряды боксеров были хорошо вооружены, имели известную организацию и своими партизанскими действиями причиняли большой вред регулярным войскам империалистов. До 1902 г. не могли войска империалистов задуть движения пролетариата, несмотря на все зверства и бесчисленные казни боксеров, захваченных в плен.

Могут возразить, что боксерское восстание было не рабочим движением, а движением национальным, рабочие же не имеют отечества, и потому боксеров нельзя считать рабочей Красной Гвардией. Но такое возражение было бы поверхностным, ибо в массе своей боксеры были вооруженным революционным пролетариатом, борющимся за свое раскрепощение от цепей иноземного капитала. Борьба китайского пролетариата, его организация, развитие хода операций боксеров представляют глубокий интерес, но более подробное изучение этого вопроса невольно отвлечет в сторону от поставленной мной задачи; в виду этого не буду подробно останавливаться на борьбе китайского пролетариата, а перейду к обзору периода русской революции 1905 года.

V.

Красная Гвардия в 1905—1906 годах.

«Задача вооружения революции падает всей своей тяжестью на пролетариат».

Н. Троцкий. «Наша революция».

1905 год наступил в России под знаком оживления рабочего движения, принимавшего иногда на местах форму стройных, организованных вооруженных выступлений крестьян и рабочих. События 9-го января в Петербурге послужили как бы сигналом к этому. Взрыв всеобщего негодования был ответом на брошенный вызов; призрак вооруженного восстания стал во всем своем величии перед российским пролетариатом; рабочие и часть крестьян лихорадочно начали запасать оружие не уясняя впрочем себе ближайшей задачи и цели вооружения.

Первые вспышки вооруженного восстания были отмечены на Кавказе, где принимали участие Красные дружины—цители-разми, имевшие правильную организацию, делившиеся на сотни и тысячи с выборными сотскими (ассистави) и тысяцкими (асассистави). В этих красных дружинах, кроме крестьян и рабочих принимали участие и солдаты дезертировавшие из полков, они то и внесли правильную военную органи-

зацию в красные рабоче-крестьянские части. В числе начальников Красных дружин грузии следует отметить энергичных и преданных делу революционеров Гетию и Толардова, дружины которых с начала года наводили страх на местные войсковые части.

Число вступающих в Красные дружины солдат и даже офицеров (назовем поручика Каркашвили), дезертиров увеличивалось и к лету 1905 года в одной только Гурии их насчитывалось до 200 человек. Они обучали дружинников обращению с оружием, саперному делу, разведке и т. п. Общее руководство Красными боевыми дружинами находилось в руках местных социал-демократических организаций.

Главным районом действий цители-разми была западная часть Закавказья от Сурамского перевала до Черного моря, т.-е. Кутаисская и Черноморская губернии и Батумская область. Вооружены размисты были частью берданками, частью трехлинейными винтовками, но встречались и французские ружья Шасспо и турецкие системы Пибоди-Мартини. Лозунги, за которые храбро умирали на родных горах размисты, — это лозунги, выставляемые в то время социал-демократической партией; эти лозунги вошли вплотную в сознание каждого размиста, крестьянина, рабочего и солдата.

В восточной части Закавказья еще раньше стали формироваться революционные армянские отряды партии Дашнак-цзун, преследовавшие, правда, главным образом задачи охраны армянского населения от нападения татар, на-травливаемых агентами правителя Кавказа князя Голицына известного армянофоба и страшно взбалмошного человека, прозванного за его горячность «самовар-паша».

Эти две боевые организации и явились ядром Красной Гвардии Кавказа во время событий конца 1905 и начала 1906 годов, в рядах которой пролетариат закавказья проливал кровь за свое раскрепощение.

Посмотрим на другую окраину. Втечение лета 1905 г. в Прибалтийский край было ввезено значительное количество винтовок Винчестера со штыками и достаточное количество к ним патронов. Доставлялись ружья морем на иностранных судах; местные латышские и эстонские революционные организации распределяли полученное оружие между членами боевых организаций и партийными рабочими. Латышский пролетариат быстро ознакомился с обращением с новым оружием и в окрестных лесах совершенствовался в стрельбе. К осени в крае было уже несколько десятков тысяч вооруженных и подготовленных к восстанию революционных рабочих и крестьян, ожидавших только сигнала, чтобы, по меткому выражению Троцкого, «итти к революции».

Призыв к вооруженному выступлению в 1905 г. был впервые напечатан 20 января в одной из жевевских газет. В этом призыве читаем: «Будем собирать наши ряды, товарищи! Будем объединять и объединяться! Будем готовиться сами и готовить массу к решительным дням выступления. Ничего не упустим из виду. Ни одной силы не оставили без пользы для дела!»

Призыв этот был воспринят революционными организациями лишь частично, полного объединения к моменту выступления среди вооруженных пролетарских масс не наблюдалось, многое было упущено из виду, вследствие чего не мало оказалось бесполезных жертв.

Нужно отметить, что к моменту вооруженного восстания правильно организованной по заводам и фабрикам Красной Гвардии не было, а были наскоро сбитые так называемые боевые рабочие дружины. По существу своему они не многим отличались от боевых партийных организаций; каждая такая дружина не являлось сплоченной частью, состоящей из рабочих одной фабрики или одного завода, она составлялась сплошь и рядом из случайных товарищей, связанных лишь единством задачи; тут на ряду с рабочими, были и студенты, и курсистки, и гимназисты, и почтово-телеграфные чиновники. Дружинники подчас не знали друг друга; в начале восстания во главе дружины нередко оказывались люди мало пригодные для руководящей роли; не было объединений дружин в более крупные части, почему и не наблюдалось строгой согласованности в действиях боевых дружин в первые дни Московского восстания.

Вот эти-то слабые стороны боевых дружин 1905 года и сказались в борьбе с правительственными войсками. Боевые дружины 1905 года не дали революции того, что они могли дать и чего от них ожидал пролетариат. Но в этом не виноваты идейные вдохновители восстания, не виноваты и герои дружинники. Причину следует искать, с одной стороны—в невероятно тяжелых условиях, при которых русскому пролетариату приходилось создавать свою Красную Гвардию, свои боевые дружины, а с другой—еще недостаточную силу и влияние господствующего класса империалистов, сумевших обмануть, одурманить темную массу солдат, по преимуществу гвардейских полков, как например: семеновцев с Мином во главе, конно-гренадер,

петергофских улан с Орловым во главе, сумских драгун, изменнически обративших оружие против своего же брата, пролетария—рабочего и крестьянина.

Эти обманутые придворной кликой солдаты подчинились кровавым приказам начальников и беспощадно расстреливали вооруженных и даже безоружных рабочих.

А приказы были, действительно, кровавые. Приведем два-три из них. Вспомним исторический приказ Трепова отданный в октябре 1905 г.: «Патронов не жалеть и холостых залпов не давать!». Командующий отрядом Л.-Гв. Семеновского полка Мин 15 декабря отдал в Москве следующий приказ по полку: «Арестованных не иметь и действовать беспощадно. Каждый дом, из которого будет произведен выстрел, уничтожать огнем или артиллерией». Келецкий вр. ген.-губернатор Бобылев шел еще дальше, он издал приказ, в силу которого каждый рабочий или крестьянин, не сдавший в трехдневный срок оружия, подлежал смертной казни, этим же наказанием угрожал он и родителям несовершеннолетних и детей, у которых будет найдено оружие. 7 февраля 1906 г. было утверждено мнение Государственного Совета, согласно которого ни стрельба войсками, при усмирении восставших, вверх, ни стрельба холостыми патронами не допускались.

Однако, эти возмутительные своим цинизмом приказы не удержали боевые рабочие дружины от восстаний в разных частях империи. Везде боевые дружины беззаветно шли на смерть ради достижения поставленной цели.

Вооруженные выступления боевых дружин начались на юге России. Так, прежде всего, 11-го октября в Харькове возле университета

рабочими были возведены баррикады; поперек улиц были сложены срубленные телеграфные столбы, железные ворота, доски, ящики, ставни, решетки и т. п., все это было опутано, оплетено и скреплено проволокой. К часу дня в городе насчитывалось уже 10 таких баррикад защищаемых боевыми дружинами рабочих.

В тот же день появились баррикады на улицах Екатеринослава—их было шесть и каждую защищало несколько сот красных дружинников; на баррикадах появились красные флаги; был организован боевой, стачечный комитет; во главе дружины Екатерининской жел дороги стал сельский учитель Дейнега, убитый 15 декабря при столкновении с войсками.

16-е октября было днем баррикад в Одессе. На Преображенской и Ришельевской улицах было сооружено 4 баррикады с многочисленными защитниками. На баррикадах по заводским гудкам появились члены боевых рабочих дружин с винтовками и револьверами... Начались революционные маневры, смотр всех боевых сил пролетариата.

Пока это был только смотр, а не восстание; восстание вспыхнуло в декабре почти одновременно в Москве, в Прибалтийском крае и на Кавказе. Это было первое боевое крещение нашей Красной Гвардии.

Еще в октябре месяце в Москве были сформированы боевые дружины, которые выбирали представителей в так называемой Коалиционный совет боевых дружин, являвшийся гларным штабом московских революционных организаций и руководителем дружин. Совет был подготавливать вооруженное восстание и усиленно вооружал рабочих.

4-го декабря Московский Совет рабочих депу-

татов вынес резолюцию, что московские рабочие в каждый данный момент должны быть готовы к вооруженному восстанию. 7-го числа на улицах Москвы появились впервые вооруженные боевые дружины рабочих, но они еще не начали вооруженного выступления, они ждали сигнала. 9-го, по постановлению Коалиционного совета боевых дружин с утра начались нападения дружинников на чинов полиции. Боевые же действия красnogвардейцев начались только вечером этого числа при следующих обстоятельствах

В доме Фадлера в Лобковском переулке близ Чистых прудов был назначен митинг, пришли туда также и красnogвардейцы-дружинники, оттуда они по плану Коалиционного совета должны были рассыпаться по городу для одновременного повсеместного нападения на полицию. В 10 часов вечера дом Фадлера оцепили войска и потребовали выдачи всего оружия, дав на размышление час времени. Единогласно всеми собравшимися было решено оружия не выдавать и на попытку со стороны войск применить силу ответить силой. Но не прошло часа, как войска открыли огонь по окнам дома; боевые дружины ответили выстрелами; войска дрогнули; был вызван артиллерия, которая почти в упор начала бомбардировать дом. После более чем часовой бомбардировки, солдаты ворвались в дом, но были встречены метким оружейным и револьверным огнем; брошены две бомбы и штурм дома был отбит. Снова начался артиллерийский расстрел дома и засевших в нем храбрецов; 8 человек было убито, 30 ранено. Новый штурм и крепость пала, засевшие ружейники схвачены. По полицейским сведениям попало в плен 118 дружинников. Следовательно, против каких-то полутора сот вооруженных

рабочих и учеников реального училища понадобился отряд пехоты и артиллерии в десять раз больший.

Этот первый опыт показал красногвардейцам, что действовать против войск крупными частями при отсутствии превосходства в силах и вооружении слишком рискованно, и в последующие дни применялась уже иная партизанская тактика. Но об этом ниже.

Почти одновременно с защитой Фидлеровского дома, рабочие дружины Басманного района пытались овладеть Николаевским вокзалом, чтобы отрезать Москву от Петербурга и помешать прибытию оттуда царской гвардии. Задача была не легкая, у вокзала сосредоточились гренадерские части, остававшиеся верными правительству, и рабочим пришлось отступить.

Раненых товарищей рабочие, отступая уносили с собой, чтобы они не попали в руки озверевшей полиции или казаков. Для оказания медицинской помощи красногвардейцам в разных частях города было открыто свыше 40 частных медицинских пунктов, где работали жены и сестры дружинников, куда не заглядывала полиция и жандармы.

9-го декабря появились в городе первые баррикады. На Тверской и на Брестской улицах из подручного материала, из поваленных фонарных и телеграфных столбов, переплетенных проволокой, были сооружены баррикады, претраждающие путь драгунам. Баррикада строилась обычно поперек улицы, а все примыкающие переулки оплетались проволокой, таким образом, для конницы создавался проволочный мешок, в котором она обстреливалась красногвардейцами, укрывшимися в прилетающих к баррикаде домах. Драгуны несли большой урон,

Дружинники же оставались почти неуязвимыми.

Несмотря на происходящие столкновения красногвардейцев с войсками, момент планового восстания еще не наступал—это были пробные шаги. Начало восстания Исполнительным Комитетом Совета Рабочих Депутатов было назначено на 6 часов вечера 10-го декабря.

В этот день, с утра началась лихорадочная работа. В городском Народном Доме на Введенской площади поместился штаб боевых дружин. Там разрабатывался оперативный план, там же была выработана и тактика боевых действий.

Общий оперативный план заключался в следующем; действуя со стороны окраин, оттеснить войска в центр города, где их принудить сложить оружие. Для осуществления этого плана было намечено сооружение трех кольцевых линий баррикад, за которые последовательно и оттеснять правительственные войска. Первая внешняя линия баррикад должна была идти от Брестского вокзала к Каланчевской площади и далее в Лефортово; вторая линия—от Смоленского рынка по Садовой к Сухаревке и дальше к Красным воротам, и наконец третья—по направлению бульваров. Замоскворечье также перерезывалось баррикадами.

Тактика боевых дружин намечалась партизанская. Боевые дружины разбивались на «двойки», «тройки», самое большое «пятерки» и действовали по следующей схеме: построив при помощи добровольцев баррикаду, опутав ее и примыкающие переулки проволокой с телеграфных столбов, с телефонных установок, и водрузив на баррикаде красный флаг, боевая ячейка рассыпалась и укрывалась в близлежащих домах и подворотнях. Такая баррикада

являлась для войск, особенно для драгун и казаков, мышеловкой, а красный флаг приманкой.

Появляются войска и начинают из артиллерийских орудий громить бесжизненную, пустую баррикаду, дружинники же из-за прикрытий, невидимые врагу, расстреливают нападающих, выбирая своей мишенью по преимуществу офицеров. Когда расстрел баррикады близился к концу ячейка дружинников рассыпалась в разные стороны, через заборы и задние дворы отступала к ранее намеченному сборному пункту для новой работы. Таким образом, когда картечь сносила последнюю доску баррикады, ячейка уже далеко и строила новую преграду врагу. Действуя по этой системе, красногвардейцы-дружинники покрыли Москву маленькими, неуловимыми отрядами, почти не страдающими от артиллерийских снарядов и пулеметов атакующих. Эта тактика страшно раздражала генерал-губернатора адмирала Дубасова, беспощадно расстреливавшего обывательскую Москву, не нанося потерь дружинникам.

Систематическое осуществление намеченного плана сооружения баррикад началось с раннего утра 10-го декабря; были сооружены баррикады у Старых Триумфальных ворот, на Садовой, на Тверской, Долгоруковской и на Малой Бронной от Садовой до Тверского бульвара. На постройку шел весь подручный материал: ящики, ворота, бочки, ларьки торговцев, ставни, телеграфные, фонарные и трамвайные столбы... все, что могло служить препятствием движению войск; весь район баррикады оплетался провололочной сетью, на баррикаде взвивался красный флаг.

На улицах красногвардейцы обезоруживали офицеров и полицейских; отобранное оружие

сейчас же раздавалось дружинникам-рабочим для вооружения.

Утром на Бронной драгуны пытались разрушить баррикаду, но попали в устроенную проволочную ловушку и были обстреляны красногвардейцами, причем ранено 8 драгун. Правительственным войскам стало ясно, что они бессильны бороться с баррикадами, которые росли как грибы то там, то здесь, почти на глазах войск. Дружинники проявляли в этом отношении поразительную изобретательность и смелость.

Дубасов, выведенный из себя, приказал артиллерии расстреливать баррикады. С часу дня началась бессмысленная артиллерийская стрельба из пушек. Русское правительство, борясь с тройками и пятерками красногвардейцев, стало громить Москву из артиллерийских орудий. Расстреливали с такою яростью, с таким упорством, с такой меткостью, какой ни разу не удостоивались японские позиции за всю войну.

Против кого же адмирал выкатил свои пушки? Баррикады возникают повсюду, но пока они возникают, войска адмирала где-то отсутствуют и бездействуют, когда же они являются на место действия и принимаются стрелять из пушек и пулеметов,—объектами их расстрела оказываются только стены домов и железные вывески, прикрывающие баррикады, красногвардейцев-дружинников за баррикадами уже нет, они укрыты в безопасном месте и ждут, когда пушки и пулеметы сухопутного адмирала-стратега разрушат проволоку и вывески, а затем, снова принимаются ткать свою паутину.

Только к четверем часам дня прекратилась канонада; баррикады на Тверской разрушены; артиллерия открыла огонь вдоль Садовой.

Ночью дружинники сооружали баррикады на Петровке, в Каретном ряду, на Б. Дмитровке, на Петровском бульваре. Шла подготовка позиций к боям следующего дня.

На утро 11-го, казаки и драгуны стали проявлять нервность, их озлобила неуловимость дружинников и они открывали огонь по каждой кучке обывателей, собравшихся на улице; а между тем артиллерия продолжала свою разрушительную работу, стреляя по пустым баррикадам. Дружинники планомерно вели партизанские действия: они нападали на правительственные войска, внезапно появляясь из засад, метко стреляли и рассыпались в разные стороны, прежде чем атакованные могли опомниться от внезапного нападения.

С часу на час ожидалось прибытие красногвардейцев из Орехова-Зуева, из Люберцов и других окрестных фабрично-заводских районов. Московские товарищи нуждались в смене, они бессменно четверо суток работали: днем вели партизанскую борьбу, а ночью спешно возводили баррикады, и едва держались на ногах от физического утомления.

В ночь на 12-ое опять были сооружены баррикады на Старой-Триумфальной пл., на Брестской ул., на Садовой, на Бронной, М. Никитской, в Каретном ряду, на Неглинном, на Цветном бульваре, на Трубной пл., на Долгоруковской и на Арбате. В Каретном ряду дружинникам в работе пытались помешать 20 жандармов, но они попали в засаду, были переранены и разоружены красногвардейцами.

В полках московского гарнизона стало замечаться революционное настроение, особенно в гренадерских; так, напр., Перновский полк отказался выступать против братьев рабочих.

В связи с этим стали носиться слухи, что из Петербурга вызываются гвардейские полки. Решено было воспрепятствовать прибытию петербуржцев, для чего нужно было захватить в свои руки Николаевскую железную дорогу; однако, задача эта была не из легких. Сумские драгуны неусыпно охраняли вокзал и старались отбить все атаки красnogвардейцев на вокзал. Несколько раз происходили кровопролитные бои на Калачевской площади перед вокзалом, который переходил из рук в руки, но удержать его за собой дружинники не могли. Вообще нужно заметить, что с каждым часом большие задачи становилось разрешать все труднее и труднее: телефон перестал работать, телеграф находился в руках правительственных войск, поддерживать связь между отдельными дружинами, с Главным Штатом и с Исполнительным Комитетом было чрезвычайно трудно, извозчики отказывались возить, опасаясь попасть под обстрел, трамваи уже несколько дней не ходили...

12-го декабря события продолжали развиваться. В этот день проявила исключительное мужество и доблесть боевая дружина печатников типографии Сытина. Войска осадили здание типографии, где засело около 600 рабочих с семьями, их защищала боевая дружина. Артиллерия начала громить дом; боевая дружина в течении нескольких часов сдерживала натиск, прикрывая уход безоружных через задний двор на Монетчиковский переулк. Во время бомбардировки от одного снаряда загорелось здание; дружинники, не покидая своего поста, до последней возможности сдерживали противника и только, когда все безоружные, женщины и дети были в безопасности, покинули горящее

здание и ускользнули от карауливших их солдат.

В этот день была выпущена Коалиционным советом боевых дружин руководящая прокламация, в которой говорилось: «Товарищи, началась уличная борьба восставших рабочих с войсками и полицией. В этой борьбе может много погибнуть ваших братьев, борцов за свободу, если вы не будете держаться некоторых правил. Главное правило—не действуйте толпой. Действуйте небольшими отрядами, человека в три—четыре, не больше. Пусть только этих отрядов будет возможно больше и пусть каждый из них выучится быстро нападать и быстро исчезать. Полиция старается с одной сотней казаков расстреливать тысячные толпы. Вы же против сотни казаков ставьте одного—двух стрелков. Попасть в сотню легче, чем в одного, особенно, если этот один неожиданно стреляет и неизвестно куда исчезает. Полиция и войска будут бессильны, если вся Москва покроется этими маленькими неуловимыми отрядами... Не занимайте укрепленных мест... Пусть нашими крепостями будут проходные дворы и все места, из которых легко стрелять и легко уйти... Если кто вас будет звать идти куда большой толпой и занять укрепленное место, считайте того глупцом или провокатором. Если это глупец—не слушайте его, если провокатор—убивайте. Строго отличайте ваших сознательных врагов от врагов бессознательных, случайных. Первых уничтожайте, вторых щадите. Пехоты, по возможности, не трогайте, Солдаты—дети народа и по своей воле против народа не пойдут. Их направляют офицеры и высшее начальство. Против этих офицеров и начальства вы и направьте свои силы. каждый офицер;

ведущий солдат на избиение рабочих, объявляется врагом народа и ставится вне закона. Его безусловно убивайте. Казаков не жалейте. На них много народной крови, они всегдашние враги рабочих... Как только они выйдут на улицу—конные или пешие, вооруженные или безоружные—смотрите на них, как на злейших врагов и уничтожайте без пощады. На драгун и патрули делайте нападения и уничтожайте. В борьбе с полицией поступайте так. Всех чинов до пристава включительно при всяком удобном случае убивайте. Околоточных обезоруживайте и арестовывайте, тех же, которые известны своей жестокостью и подлостью, тоже убивайте. У городских только отнимайте оружие и заставляйте служить не полиции, а вам. Дворникам запрещайте запираить ворота. Это очень важно. Следите за ними, и если кто не послушает, то в первый раз побейте, а во второй убейте».

Эта прокламация была для дружинников кратким курсом тактики и стратегии кодексом законов и обычаев гражданской войны.

В ночь на 13-ое опять возводились баррикады взамен разрушенных артиллерией. Как на искусное фортификационное сооружение дружинников, следует указать на сделанное ими прочное заграждение, представляющее из себя непрерывную сеть на протяжении двух верст от Садовой до Бутырской заставы, а также на огромную баррикаду с наружными рвами на Пятницкой ул., затем была устроена сплошная проволочная изгородь от Сухаревой до Триумфальной Садовой. Арбат и Пресня покрылись сетью баррикад; здесь готовилось серьезное сопротивление со стороны горсти красных храбрецов. На Трехгорной Прохоровской ману-

Материалы
Коллекция
Исторический музей
Всесоюзный музей
Ленина

Материалы
Исторический музей
Всесоюзный музей
Ленина

фактуре, на мебельной фабрике Шмита и лаковом заводе Мамонтова укрепились сильные боевые дружины, составленные из рабочих этих предприятий численностью около 600 человек.

Во главе пресненских дружин стоял тов. Михаил Соколов, носивший тогда кличку «Медведь» он также был известен под кличкой «Каин», «Шапошников», «Анатолий» и «Чумбуридзе». Под руководством М. Соколова на Пресне был организован «комитет», в который вошли организаторы социал-демократ «Седой», и эс-ры «Мартынов», «Ильин», «Пчелка», «Павлова», несколько интеллигентов и 12 депутатов от рабочих Прохоровской мануфактуры, фабрик Мамонтова, Шмидта и сахарного завода. Комитет расположился в кухне Прохоровской мануфактуры, где заседало бюро; там же помещалась дружина и склады оружия.

13-го декабря утром со станции Перово Московско-Казанской ж. д. прибыли на помощь дружинники Московского узла 300 человек; они соединились с красногвардейцами Рязанского вокзала и с часу дня начали обстрел Николаевского вокзала. Против них были высланы сильные конные отряды и двинута артиллерия. Во избежание больших жертв пришлось отказаться от намерения овладеть Николаевским вокзалом.

Отдельные отряды обходили по квартирам городских и отбирали у них оружие. Действовали дружины и против прибывающих в Москву войск; нападали на отдельные разъезды, патрули, иногда открывали стрельбу из засады и по большим войсковым частям, причиняя им большой урон, не неся сами потерь. На баррикадах оставлялись сторожа из обывателей, несшие службу под угрозой расстрела со стороны дружинников,

Раздраженное начальство по распоряжению адмирала Дубасова продолжало расстреливать город шрапнелью, сотнями и тысячами гибли обыватели; начальство жаждало крови, мести неуловимым дружинникам. Красные флаги на баррикадах действовали на душителей восстания, как красный цвет на испанских быков; в глазах у них кровь, много крови, одна только кровь, и они ничего не видя, не слыша, не понимая стреляли шрапнелью по всему миллионному населению столицы, будучи не в силах справиться с партизанской тактикой красногвардейцев. Партизанская тактика была выработана опытом первых дней восстания и против нее бессильны были драгуны и казаки, но она сильно изнуряла дружинников и затрудняла общее руководство операций.

Днем 13-го прибыли дружинники со станции Люберцы Казанской ж. дор.; при самом вступлении их в город у заставы они были встречены шрапнельным огнем, но, несмотря на большой урон, не дрогнули и смело ворвались в город рассыпались по улицам и влились в ряды красных москвичей.

Красногвардейцы за эти дни не только сражались с правительственными войсками, но они же несли и караульную службу в Совете Рабочих депутатов, в штабе, на фабриках и заводах, а также охраняли революционный порядок в городе. Характерно, что за время восстания совершенно не было в Москве грабежей—это отметило даже черносотенное «Новое Время», преступный элемент, золоторотцы боялись боевых дружин больше, чем полиции, которую можно было подкупить и даже привлечь к участию в грабежах.

14-го декабря стало известно, что из Петер-

*Нелегально ввезен
Которой дитой Оли Олиной
Олиной Олиной Олиной* 4*

бурга выехали в Москву семеновцы, конногренадеры, и часть первой гвардейской артиллерийской бригады а из Варшавского округа Ладожский полк. Число убитых и раненых с каждым днем возрастало.

15-го был арестован московский комитет партии социал-демократов и вождям восстания пришлось отдать приказ красногвардейцам отступить. Боевая страда стихла. 16 декабря Исполнительный Комитет Совета Рабочих депутатов объявил прекращение партизанской борьбы, с вечера 18-го. Держалась только Пресня, но и там пришлось после отчаянного сопротивления уступить превосходной силе.

20 декабря Пресня с Прохоровской мануфактурой и фабрикой Шмита были захвачены озверевшим полковником Мином. По сведениям полиции на Пресне со стороны красногвардейцев и рабочих убито было до 670 человек, до 2.000 ранено, 410 дружинников было взято в плен; их постигла участь всех пленных тех дней—без суда, без следствия они были расстреляны по приказанию Мина его семеновцами, а часть их была заживо сожжена.

Трудно подсчитать те потери, которые понес за эти дни красный пролетариат Москвы и его доблестная гвардия! Смело можно сказать, что не только задача вооружения революции 1905 года пала всей своей тяжестью на пролетариат, но и все московское восстание пролетариат вынес на плечах своей Красной Гвардии, своих боевых дружин.

Не только рабочие несли боевое бремя, но и работницы принимали активное участие в боях; они, вооруженные револьверами и винтовками, сражались с правительственными наймитами и со щербатовскими «союзниками» в районе Са-

Довой и прилегающих бульваров на протяжении от Триумфальных ворот до Сухаревой башни. В этом районе оперировала красная дружина численностью свыше тысячи человек, среди которых было не мало женщин, отличавшихся особенным мужеством, отвагой и неустрашимостью. На Бронной дружиной командовала 16—17-летняя девушка и все ей беспрекословно подчинялись, неповинуящихся она жестоко наказывала. Этими героинями дружинницами должна гордиться наша революция.

Но не только с револьвером в руках проявила себя красная работница в эти памятные дни, она во всем была помощницей дружинникам: она шла под пули на разведку, она под огнем пулеметов уносила раненых товарищей, она помогала воздвигать баррикады, она воодушевляла, она бодрила товарищей—дружинников.

Наиболее крупное соединение боевых дружин занимало район от Триумфальных ворот и Брестского вокзала на юго-запад до Пресни. В общем протяжении фронта занятого красными боевыми дружинами, было около 10 верст; точно число сражавшихся красногвардейцев теперь установить не представляется возможности; по свидетельству одних, дружинников было в Москве около 6 тысяч, по другим сведениям их было до десяти тысяч, но во всяком случае их было много меньше, чем у правительства войск, полиции, жандармерии и щербатовских милиционеров из «союза русских людей».

Один из активных участников московского восстания В. В. Зензинов, так описывает жизнь комитета партии с.-эров, руководившего восстанием.

*Они ждали. Они ждали. Они ждали.
Они ждали. Они ждали. Они ждали.*

«Сумасшедшие дни были пережиты нами в декабре. Баррикады, ружейная стрельба, обезоружение жандармов, городских и сумских драгун, попытки вызвать из казарм войска, явно сочувствовавшие революционерам, но колебавшиеся выйти на улицу... Только поздней ночью, пробираясь вдоль улицы, мы собирались все вместе. Приходили возбужденные, взволнованные всем пережитым за день. Это была маленькая квартира Л. М. Армандт в Филипповском переулке около Арбатской площади. Странный вид представляла эта квартира. Многочисленные пачки патронов Маузера, сами маузеры в деревянных кобурах, снятая с городского шашка, пачки литературы... Здесь же на столе стояли похожие на сахарницы жестяные банки, перевязанные веревочкой—то были наши динамитные бомбы. Мы разбегались рано утром и снова встречались вечером, отмечали это в душе как подарок судьбы».

Московско-Казанская ж. дор. на участке от Москвы до Коломны явилась последним оплотом боевых дружин. Этот участок обслуживал постоянный подвоз боевых дружин со станций Перово, Люберцы, Гелутвино. За такую товарищескую помощь жестоко поплатились рабочие указанных станций; карательный отряд в составе части Семеновского полка, гвардейской артиллерии и конногренадер под командой того же полковника Мина и Римана 16-го числа был двинут из Москвы; он смел с лица земли все на своем пути, расстреливая не только дружинников, но и их семьи. На названных станциях было убито в боях до 300 рабочих, расстреляно же 57 человек.

Так же расправился царский генерал Орлов в Прибалтийском крае с доблестными латышскими и курлянскими красными рабочими дружинами, восставшими в Риге, Тукуме, Митаве, Виндаве, Фридрихштадте, Франценберге, Гольдингене, Катаве, Сосмикене, Доблине и др. городах края. Здесь оперировало более 60 тысяч красногвардейцев рабочих и крестьян.

Несколько ранее Московского вооруженного восстания вспыхнуло восстание и на Кавказе в Грузии. Оно отличается от московского тактикой; здесь красным сотням приходилось бороться главным образом не на улицах городов, но в горах, вести правильную горную войну с правительственными войсками.

Об организации красных грузинских сотен (циттели-разми) упоминалось выше, а потому не буду повторять и перейду к краткому изложению событий и операций размистов.

Еще в конце ноября в Кутаисе происходили столкновения вооруженных горожан с казаками; 27 ноября в городе появились баррикады и раздались звуки набатного колола, созывающего на помощь горожанам сельских размистов.

В Кутаисской губернии села расположены близко одно от другого, набат, услышанный в одном селении, передавался в другое; весь округ на много верст огласился тревожным звоном. Верховые гонцы скакали в разных направлениях и указывали, куда идти красным сотням.

Вечером 28 ноября в Кутаисе началась перестрелка, снятые казаками баррикады были восстановлены буквально в несколько минут; на баррикадах появились красносотенцы. Однако руководители движения прекрасно понимали всю бесцельность выступления одной только Кутаисской губ. и всемерно старались предотвратить

Ситников Ситников Ситников
Ситников Ситников Ситников

преждевременную вспышку. 29-го баррикады были сняты, но размисты оставались наготове каждую минуту встать на защиту пролетарского дела.

В то время как красные сотни в Кутаисе разбирали баррикады, их товарищи гурийские красносотенцы баррикадировали Батум. Это указывало на отсутствие единства плана действий, — что влекло за собой крушение общего дела. Комендант Михайловской крепости навел на город крепкие орудия, баррикады были разрушены, в городе введено осадное положение, начались погромы, размисты не могли их прекратить, так как вынуждены были уйти в горы к Озургетам.

Кутаисские и батумские события не замедлили сказаться на настроении пролетарских масс губернии и усилили темп революционного движения. Красные сотни появились в Лечхутском и Рачинском уездах, где ими были обезоружены все полицейские стражники; в начале декабря то же повторилось и в Шаропанском уезде, тут между прочим партийные красносотенцы приняла на себя охрану Квирильского казначейства. Однако до двадцатых чисел декабря руководителям партии удавалось сдерживать революционный порыв размистов от вооруженного восстания, но далее сдерживать не было сил. На станциях железной дороги стали группироваться красные сотни; правда, они были плохо вооружены и с крайне малым запасом патронов, но все же призрак революционной гвардии встревожил военные власти. Обсуждался вопрос о посылке против них воинского отряда, но ввиду малочисленности кутаисского гарнизона было решено воздержаться. Красные сотни группировались главным образом у станций Самтреди, откуда идут ветки жел. дор. на Батум и на

Поти, в Квирилах (административный центр Шаропанского уезда) и в селении Меквены Лечхутского уезда.

Первым серьезным выступлением красных сотен было нападение 28 декабря в сел. Тквибули Кутаисской губ. на взвод солдат.

Тквибульская охранная команда состояла из 28 человек, из них 10 находились на станции в вагоне теплушке, а 18 с офицерами на каменноугольных копях. Цители-разми ночью незаметно подкрались к теплушке в то время, когда дневальный отошел за угол соседнего здания; краснодружинник набросил на его голову мешок, отобрал ружье и связал. Вслед за этим по теплушке был дан залп и брошена бомба. Спавшие солдаты проснулись, открыли беспорядочную стрельбу; на выстрелы прибежали солдаты из селения, но размисты уже скрылись бесследно. В этом нападении участвовала Кутаисская сотня.

Главный штаб красных сотен, принявший на себя руководство всеми операциями в западной части Закавказья, расположился на станции Аджаметы. Там, а также на станции Квирилы, стояли переполненные размистами вагоны. Среди красных было много женщин с повязками Красного Креста, фельдшеров, братьев милосердия, но были и примазавшиеся подозрительные лица, пользовавшиеся дурной славой.

Вслед за тквибульским нападением красные сотни напали на роты Тенгинского полка в Квирилах и на станции Белогоры. Роты эти были относительно довольно сильного состава, они имели по 42—48 человек *) и занимали

*) Вследствие усиленного дезертирства некоторые роты не превышали по составу 25 чел.

каменные дома. Нападение было совершено при следующих обстоятельствах. Утром, 30 декабря, командир роты, стоявшей на вокзале в Квирилах, был кем-то вызван к телефону для разговора с командиром белогорской роты. Как только он вошел в телефонную будку, его схватили, завязали рот и взяли в плен. Другому офицеру роты передали, что его вызывает на ст. Шаропань командир белогорской роты. Таким образом, оба офицера роты были удалены, остался только случайно задержанный железнодорожной забастовкой офицер другой части.

Удалив обоих офицеров, красносотенцы в числе около 2 сотен окружили дом, занятый ротой, и потребовали выдачи оружия и патронов; рота сначала ответила выстрелами, но после непродолжительной перестрелки, в которой был убит один солдат, сдалась полностью в плен красносотенцам.

В тот же день белогорская рота на пути в Квирилы была окружена двадцатью размистами, сдалась в плен, потеряв убитым только ротного командира.

Эти два нападения доставили размистам несколько тысяч боевых патронов и 120 трехлинейных винтовок. Обе роты под конвоем размистов были доставлены в Чиатуры, где содержались под стражей в качестве военнопленных. По заявлению пленных) обращение размистов было с ними прекрасное, их хорошо кормили, а раненым была оказана медицинская помощь.

Одновременно с захватом в плен квирильской и белогорской рот на станции Ципа было совершено размистами нападение на казачий разъезд, в то время, когда последний шел на разведку. Размисты заняли позицию на пути следования разъезда, укрывшись за деревьями и скалами.

Когда казаки приблизились, по сигналу был открыт огонь; завязалась перестрелка. Размисты потеряли 9 человек убитыми, 5 ранеными, ни одного пленным и позицию удержали за собой, вынудив казаков вернуться, не выполнив задания и потеряв: трех казаков убитыми, одного раненым и 7 лошадей убитыми.

В первых числах января размисты узнали от железнодорожников, что из Тифлиса двинут карательный отряд генерала Алиханова. Штаб красносотенцев отдал распоряжение встретить правительственные войска на границе Тифлисской губернии. Отдельные сотни были высланы в Горийский уезд, где в горах размисты имели несколько удачных стычек и заставили войска стянуться к железной дороге. Чтобы преградить путь по железной дороге, в Сурамском тоннеле размисты разобрали путь и пустили в тоннель пустой паровоз, который среди тоннеля сошел с рельс и загромоздил тоннель. Перевал заняли несколько сотен, а у станции Молита западнее тоннеля был испорчен мост. Так заградили путь в Кутаисскую губ.

Однако в силу различных точно не установленных причин Главный Штаб получил распоряжение от партийных руководителей отозвать размистов, и правительственные войска вступили в Кутаисскую губернию, где начались репрессии.

Несколько приведенных эпизодов из борьбы грузинского пролетариата ясно рисуют нам особенности борьбы на Кавказе. Теперь скажем несколько слов о составе цители-разми. Главным образом, красные сотни состояли из железнодорожных рабочих и служащих, из рабочих Чиатурских марганцевых копей, Тквибульских каменноугольных копей, Кутаисского городского пролетариата, Батумских и Потийских

портовых рабочих и частью беднейших крестьян, так что по составу своему это были типичные красногвардейские части, борющиеся за лозунги социал-демократической партии. Вот те основания, по которым я рассматриваю появление размистов как одну из стадий развития пролетарской Красной Гвардии.

Национальная гвардия Парижской Коммуны 1871 года создавалась, как национальная вооруженная сила для борьбы с иноземной регулярной армией; она имела боевой опыт, военную организацию, на верхах ею руководили военные специалисты, тем не менее она только оборонялась, все же ее попытки нападать, все ее вылазки были неудачны и кончались поражением; боевые дружины 1905 года в Москве и цители-разми на Кавказе не только оборонялись, но и сами нападали и притом с известным успехом, невзирая на то, что военная их подготовка была чрезвычайно примитивна, боевого предыдущего опыта они не имели, правильной военной организации не было и руководили ими рабочие не специалисты военного дела. Это знаменует собой большой шаг вперед в развитии истории рабочей гвардии. Видна была недюжинная пролетарская организация, умелое руководство, прекрасная дисциплина, отвага, упорство в нападении, стойкость в стражении и, наконец, чрезвычайный подъем духа. Вот качества красных частей 1905 года.

Но не только в Москве, на Кавказе и в Прибалтийском крае проявили свою боевую деятельность в этом году красные части и в других местах империи вспыхивали вооруженные восстания рабочих. Отметим вооруженное восстание в Ростове-на-Дону, продолжавшееся с 14-го по 27-е декабря. Город и мастерские Владикавказ-

ских железных дорог были охвачены пожаром восстания, на баррикадах как львы дрались рабочие. В Харькове были сформированы боевые дружины из рабочих механического завода Гельфериха и паровозостроительной мастерской; эти дружины мужественно защищали баррикады в горюхе, они потеряли ранеными до 100 человек и многих товарищей убитыми. В Горловке вооруженные рабочие дружины имели серьезное столкновение с войсками, при чем потеряли из своих рядов до 300 товарищей убитыми. В Луганске боевые дружины, состоящие из рабочих рудников Алчевской, напали на город, при чем проявили поразительную сплоченность, организованность и планомерность действий.

В кратких очерках нет возможности описать все то, что было сделано красными рабочими боевыми дружинами за тот декабрь месяц; достаточно приведенных выше фактов, чтобы составить себе ясное представление о Красной Гвардии русской революции 1905 года.

Для полной объективности в оценке Красной Гвардии приведем мнение лица, которое ни в коем случае нельзя заподозрить в пристрастии. Военный обозреватель черносотеннейшей газеты «Новое Время» А. Б., описывая московские события, между прочим в следующих словах характеризует красные боевые дружины: «Нельзя не признать за ними, с одной стороны, мужества и отваги, с другой—что инициатива во все время находилась в их руках, то есть, что не войска, а они (боевые дружины) вызывали последние на бой и именно там, где им казалось выгоднее драться».

Это самая беспристрастная оценка рабочих дружин, и чтобы я не приводил в доказательство прекрасных боевых качеств Красной Гвардии

Они драться! Они драться! Они драться!
Они драться! Они драться! Они драться!
Они драться! Они драться! Они драться!

1905 года все будет не так убедительно, как слова заклятого их врага буржуазного органа печати, содержащегося на средства царского правительства.

Руководил всей деятельностью Московских боевых дружин и их штабов, так называемый, Коалиционный Совет Боевых Дружин, работавший в полном контакте с Московским комитетом партий С. Д. и С. Р., являвшимися идейными политическими вдохновителями вооруженного восстания. Московский Комитет Р. С.-Д. Р. П. был довольно многочисленный, в него среди других входили активные работники: тов. В. Шанцер (Марат), Дубровинский, М. М. Васильев (Южин), Лядов, Станислав Вельский, Владимирский (Камский), Тимофей Савков, Р. С. Берлин (Землячка), Алексей Иванов, Михаил Мироныч, И. Никодим и др. Они принимали самое деятельное участие в руководстве работой боевых дружин, а тов. Р. С. Берлин даже командовала одной из дружин в районе Тверской.

Хотелось бы привести имена тех товарищей боевиков, которые своими подвигами, своей доблестью прославили русскую рабочую Красную Гвардию пятого года, но поразительная ограниченность, прямо-таки убожество материалов, относящихся к московскому восстанию, лишает возможности дать по этому вопросу список имен товарищей, достойных занесения на страницы истории. Такая скудость сведений о героях дружинниках пятого года вполне понятна. После подавления декабрьского восстания, когда восторжествовала реакция и наступило время белого террора, записывать на скрижали истории имена участников подавленного восстания было безрассудно—это было бы доносом, полиция, обнаружив такие записи,

расправилась бы с героями. О погибших героях, о скрывшихся товарищах знали только близкие, да сражавшиеся рядом, а эти тоже молчали и похоронили свою тайну в тайгах Сибири. Материалы полицейского дознания и судебные дела погибли с архивами во время февральской и октябрьской революции семнадцатого года, поэтому и не представляется возможности восстановить имена героев.

Однако нельзя не упомянуть таких имен как Михаила Соколова — начальника Пресненской боевой дружины, А. И. Сапожкова — начальника Голутвинской боевой дружины, машиниста Ухтомского — увезшего из Москвы всех главарей дружин после восстания, несмотря на то, что железные дороги были захвачены войсками.

Весьма характерен подвиг тов. Ухтомского члена Р. С.-Д. Р. П. (большевиков). Перед расстрелом он сам рассказал о нем своему палачу.

«Когда все дороги в Москве были захвачены войсками, — говорил он, — я вывез дружину, несмотря на то, что около Сортировочной на огородах вы угрожали мне пулеметами.

«В этом опасном месте, на большой кривой и совершенно открытой местности, удобной для обстрела пулеметами, я развил скорость до 70 верст в час. Я сам управлял паровозом.

«Давление пара в котле я довел до 15 атмосфер, до предела. Нам грозила опасность не от пулеметов, а от возможности взлететь на воздух.

«Чтобы развить такую скорость пришлось идти при усиленной работе сифона. И вот, когда наш поезд стремглав летел вперед, стрекотали ваши пулеметы. Они не были для нас опасны, потому что сильнее нам грозил взрыв котла и возможность слететь вниз головой с насыпи. Но тут помогла опытная рука машиниста, упра-

Синяков Синяков Синяков
Синяков Синяков Синяков

влявшая паром и вместе судьбою преследуемых вами людей. Вы ранили тогда 6 человек, но ни одного не убили. Все спаслись и находятся далеко».

Из вождей боевых дружин Донецкого бассейна предание сохранило имена тов. Мазанова, Ткаченко, Марии Сориной...

Дружинники пятого года в декабре продолжили путь к победе, которую в октябре семнадцатого года одержал пролетариат. Они были первыми солдатами Красной Гвардии в России, первыми солдатами социалистической армии, которой суждено рано или поздно в союзе с пролетариатом других стран освободить весь мир от эксплуатации человека человеком.

Опыт пятого года научил рабочих многому и к октябрю семнадцатого года они, как увидим ниже, были готовы к победной борьбе, они были готовы восстановить тысячные дружины красных борцов.

Синяков

Синяков

Синяков Синяков

Синяков Синяков

Синяков Синяков

Синяков Синяков

Синяков Синяков

Синяков Синяков

V.

Красная Гвардия в 1917 году в Петербурге и в Москве.

«События развиваются в эту эпоху с такой быстротой, что их трудно восстанавливать по памяти даже в их простой хронологической последовательности».

Л. Троцкий.

Февральская революция не дала рабочим массам того, что являлось их заветной мечтой, это была не пролетарская революция, и неизбежность новой революции, новой борьбы для вождей русского пролетариата была очевидна. К этой новой борьбе петербургский пролетариат стал готовиться чуть не с первых же дней нового государственного строя. Первое время эти приготовления шли как-то сами собой, инстинктивно, никто не руководил, никто не побуждал к этому рабочие массы, но они сами чувствовали, что надвигается гроза, что нужно вооружаться; и по фабрикам и заводам началось вооружение рабочих.

Совершенно прав был Л. Троцкий говоря, что события развивались в эту эпоху с такой быстротой, что их трудно восстанавливать по памяти, даже в их простой хронологической последовательности, письменных же памятников,

дневников, записей или мемуаров никаких пролетариат не вел, поэтому излагать все события октябрьского периода приходится исключительно на основании рассказов участников, не претендуя на точность исторических дат и их строгую последовательность.

Предугадывая неизбежность вооруженной борьбы и видя стихийное вооружение рабочих на фабриках и заводах, тов. А. Шляпников, впоследствии Народный Комиссар Труда, с тов. К. Еремеевым, занимавшим в декабре 1917 г. пост Командующего войсками Петроградского военного округа, еще в апреле приступили к выработке плана организации в Петербурге Красной Гвардии. Решено было организовывать Красную Гвардию постепенно по районам, начиная с тех районов, где рабочие были настроены более революционно.

Таким наиболее организованным и сознательным районом был признан Выборгский район. Здесь и было приступлено А. Шляпниковым и К. Еремеевым к организации на заводах и фабриках первых Красногвардейских частей.

По первоначальному проекту предполагалось довести число вооруженных рабочих в Выборгском районе до 10.000 человек, но осуществление этого намерения встретило серьезное препятствие в лице соглашательского Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. В июне на закрытом заседании президиума первого съезда Советов министр коалиционного правительства Церетели со всей решительностью говорил о необходимости разоружить рабочих. Все это, конечно, страшно тормозило работу, однако инициаторы создания Красной Гвардии не остановились на полпути.

За Выборгским районом мало-по-малу при-

ступают к организации своей Красной Гвардии Нарвский и Невский районы. Тов. А. Шляпников работал не покладая рук; во всех районах Питера возникли районные штабы, явившиеся первыми ячейками будущей могучей Красной Гвардии. Объединяющим центром в августе месяце явился Главный Штаб Красной Гвардии, в состав которого входили: председатель тов. И. Юренев, члены; тов. К. Еремеев, А. Шляпников и др., секретарь тов. В. Павлов.

Уже к июню число красногвардейцев на фабриках и заводах достигало нескольких тысяч, предполагалось, что они примут участие в вооруженной демонстрации, назначенной на 10-ое число; но, как извѣстно, демонстрация эта не состоялась и смотр молодой Красной Гвардии был отложен. Несмотря на все старания после 10 июня петроградского Совета разоружить рабочих—это ему не удалось и Красная Гвардия продолжала увеличиваться численно и духовно.

Как же происходила при таких условиях работа по созиданию рабочей Гвардии? Рабочим пришлось ее организовать под видом заводской милиции. Эта заводская милиция политически была разношерстна и не представляла из себя особо внушительной силы. Поскольку милиция одного завода стояла за решительные действия, постольку находились соглашательские заводы, парализующие силу первого. Но как бы рабочая милиция ни была слаба, все-таки первые выступления рабочих прошли под ее охраной (апрель и июль). Конечно, тут была не только заводская милиция, тут были и первые кадры сплоченной Красной Гвардии.

К июльскому выступлению число вооруженных красногвардейцев в Петербурге было при-

близительно около десяти тысяч. Но вот с трибуны Исполнительного Комитета раздались речи о вооруженном мятеже, большевики были объявлены контр-революционной партией, начался разгром Красной Гвардии, рабочих стали разоружать, по фабрикам и заводам производились обыски с целью обнаружения складов оружия. Но замешательство в рабочих кварталах быстро прошло и Красная Гвардия стала возрождаться. Районные штабы, перейдя на нелегальное положение, продолжали работу.

В конце августа разыгралось Корниловское восстание, кавказская дивизия приближалась к красной столице, петроградский Совет при вынужденном попустительстве власти допускает вооружение рабочих.

В эти дни из Шлиссельбурга прибыло для отпора Корнилову в Питер 600 красногвардейцев—мужчин и женщин, они доставили в столицу баржу с гранатами и взрывчатыми веществами. Петроградский Совет отказался принять привезенные боевые припасы. Тогда Красная Гвардия выборгского района взялась за дело сама. В одну ночь баржа была доставлена в Малую Невку, разгружена и все развезено по районам. Из этого примера видно, как организована была к тому времени Красная Гвардия, но писаной, утвержденной конституции она еще не имела.

Тотчас же после корниловских дней началось формирование красных рабочих батальонов и районы петербургских фабрик и заводов покрываются сетью красных вооруженных сил. Усиленно работают по созданию новой гвардии инструктора-рабочие, прошедшие через ряды старой армии.

В сентябре уже были открыты правильные учебные занятия на 79 фабриках и заводах.

Стали формироваться красногвардейские единицы. Количество красногвардейцев, попавших в первую очередь формирования и обучения, в зависимости от величины фабрик и заводов, колебалось от 25% до 100%.

На Выборгской стороне целый ряд заводов—Новый Парвияйнен, Барановского, Новый Леснер, Дюфлон, Айваз и др. почти полностью записались в Красную Гвардию. Военная организация партии большевиков едва успевала всюду посылать нужное количество инструкторов; требования на них поступали со всех сторон.

К концу сентября весь Выборгский район, Васильеостровский и Нарвский были покрыты обучающимися отрядами Красной Гвардии. В пролетариате просыпалась здоровая мысль о необходимости поголовного вооружения рабочих. В это же время к организации красногвардейских единиц примыкает и обширнейший Путиловский завод, на котором числилось к тому времени до 36 тыс. рабочих.

Инспектирование Красной Гвардии показало, что все фабрично-заводские комитеты и заводские коллективы после августовского наступления Корнилова постановили принудительным путем создать свою вооруженную силу.

Отряды Красной Гвардии делились на батальоны, численностью в 400 человек (360 штыков); в состав батальона обычно входили 3 роты или дружины, пулеметная команда, команда связи, санитарный отряд и иногда команда броневиков, если при батальоне был броневи́к-автомобиль. Батальонами и ротами командовали унтер-офицеры из рабочих, редко прапорщики, взводами—частью солдаты, частью рабочие. Занятия производились посменно: $\frac{1}{3}$ рабочих

занималась военной подготовкой, получая жалованье наравне с товарищами, остающимися в мастерской, а $\frac{2}{3}$ работали на заводе.

Такова была организация Красной Гвардии к началу октября; дальнейшему росту ее препятствовал недостаток оружия, а между тем в Ц. К. партии большевиков назревал вопрос о необходимости в ближайшем времени вооруженного восстания. 10-го октября на конспиративном заседании этот вопрос был решен в утвердительном смысле и на Военно-Революционный Комитет при Петроградском Совете была возложена задача подготовить и провести восстание. В комитет вошли: тов. Подвойский, Антонов, Чудновский, Еремеев и Раскольников.

Первым делом Военно-Революционного Комитета было назначение комиссаров во все части гарнизона и во все важнейшие учреждения столицы и окрестностей. Во все склады и магазины оружия также были назначены комиссары и оружие выдавалось только по их ордерам исключительно на вооружение рабочих частей.

Все требования комиссаров исполнялись почти беспрекословно. Между прочим, тов. Л. Троцкий подписал ордер Сестрорецкому заводу, где он не был даже комиссаром, о выдаче 5 тысяч винтовок питерской Красной Гвардии; рабочими Сестрорецкого завода требуемые винтовки немедленно были выданы.

К двадцатым числам октября вооруженные силы рабочих не только были полны энтузиазма и веры в свое правое дело, но и представляли из себя, если и не регулярную армию, то во всяком случае обученную и вооруженную Красную Гвардию в 12—14 тысяч штыков с пулеметами и броневиками. Силы эти находились в состоянии

полной боевой готовности и по первому зову готовы были выступить на борьбу; но момент еще не наступил, было напряженное ожидание приближающихся событий.

В ночь на 22-ое октября уполномоченные Военно-Революционного Комитета явились в штаб Петроградского округа с требованием передать штаб в ведение Комитета. Штаб отказал; тогда Комитет объявил все распоряжения штаба недействительными и вызвал из Кронштадта и Выборга военных моряков. В этот же день на места войсковых частей, охранявших старый Центральный Исполнительный комитет, в Смольный Институт была введена Красная Гвардия, занявшая все посты.

План занятия опорных пунктов в городе был окончательно разработан 24-го октября и немедленно же красногвардейцам и матросам приказано было расположиться на телеграфе, на почте, на телефонной станции и в некоторых других намеченных учреждениях.

25-го октября с утра красногвардейцы стали захватывать одно правительственное учреждение за другим по плану, составленному Военно-Революционным Комитетом, заседавшим в 3 этаже Смольного Института в маленькой комнате. Все приказания отдавались по телефону.

На всех важнейших опорных пунктах в помощь войскам были расположены красногвардейские части. Они занимали морскую улицу, резервы их стояли за Л. Гв. Кексгольмским полком, ими был усилен гарнизон Петропавловской крепости, они составляли резерв левого фланга первой группы войск, наступавшей на Дворцовую площадь, и расположились бивуаком на Невском проспекте.

Вечером, 25-го октября, начались первые боевые действия, в которых приняла участие Красная Гвардия, а, именно, те ее части, которые были расположены на Морской. Временным правительством была по телефону вызвана артиллерия к Зимнему дворцу для обстрела группы восставших войск, осаждавшей дворец. Красногвардейская засада на Морской напала на батарею, отбила два орудия и поставила их на позиции против Зимнего дворца. Это обстоятельство имело решающее значение на дальнейший ход событий.

Красногвардейцы с особенной серьезностью и сосредоточенностью относились к разворачивающимся событиям; они помогали серым массам поднявшегося полупролетариата красной столицы идти правильным путем к намеченной цели и сглаживали неизбежные шероховатости народного восстания. Настойчиво, твердо и энергично влияли они и на солдат, приковывая их словами к позициям, а своим героическим примером увлекали их на решительные действия.

Когда Зимний Дворец пал и временное правительство под конвоем было выведено на площадь, солдаты собирались учинить тут же над ними самосуд, но красногвардейцы высказались против этого, и бывшие министры под усиленным конвоем были препровождены в крепость.

Все это время красногвардейцы держали себя дисциплинированно и, неся в городе охранную службу, поддерживали режим сурового революционного порядка. Их отряды разъезжали по главным улицам на грузовиках, наводя на обывателя, не примкнувшего к восстанию, панику своим решительным и воинственным видом.

27-го и 28-го октября толпы юнкеров разоружали отдельных красногвардейцев на улицах

и на постах, в более же глухих местах даже убивали их; но это несколько не колебало духа и решимости Красной Гвардии, наоборот, побудило их начать еще более решительную борьбу с юнкерами, оставшимися на стороне временного правительства; 29-го октября отряды Красной Гвардии, при поддержке матросов, окружили Владимирское военное училище, где засели юнкера и предложили выдать оружие. Этой операцией руководил комендат Петропавловской крепости, прапорщик Благоданов. Юнкера на предложение ответили выстрелами. Красногвардейцы, при помощи матросов и артиллерии, силой заставили юнкеров сдаться.

В эти дни слухи о движении Керенского на Петроград стали принимать вполне определенную форму. Красногвардейским частям предстояло вторично принять участие в боях, на этот раз на полях перед красной столицей; они были двинуты для обороны весьма важного, в стратегическом отношении, Царскосельского участка. Общее руководство всеми красногвардейскими частями принял на себя тов. К. Еремеев.

Правее Красной Гвардии, на Красносельском участке, наступали солдатские и матросские отряды. В Петроградском гарнизоне царил атмосфера неуверенности.

Наибольшую решительность, по словам Л. Троцкого, в эту минуту проявили красногвардейцы. Они требовали оружия, боевых припасов, руководства. Но в военном аппарате все было расстроено. Офицеры отстранились, винтовки были в одном месте, патроны — в другом. Еще хуже обстояло дело с артиллерией. Революционный Комитет, который пытался наладить все это, наталкивался на непреодолимые препятствия.

Новое правительство обратилось непосредственно к рабочим массам. Почти сейчас же тысячи рабочих двинулись на позиции и занялись рытьем окопов. Рабочие оружийных заводов снаряжали пушки, сами добывали для них на складах снаряды, реквизировали лошадей, вывозили орудия на позиции. устанавливали их, организовали интендантскую часть, добывали бензин, моторы, автомобили, реквизировали продовольственные запасы и фураж, поставили на ноги санитарный обоз,—словом, создали весь боевой аппарат.

Передовые позиции были заняты красногвардейцами. Было все, но не было оперативного руководства. Решено было избрать комиссию из 5 лиц, которой был поручен верховный контроль над всеми операциями, она вошла затем в соглашение с предложившими свои услуги подполковником Муравьевым, заявившим себя офицером генерального штаба, находившимся в рядах оппозиции во время Керенского. Впоследствии Муравьев оказался изменником и застрелился.

30-го октября тов. Л. Троцкий и Муравьев на автомобиле ездили на позиции. Ночь была холодная. По дороге тянулись обозы с провиантом, фуражом, боевыми припасами, везли орудия. Все это сделали рабочие. Заставы из красногвардейцев несколько раз на пути останавливали автомобиль и проверяли пропуск. Бдительность красногвардейцев, по заявлению тов. Троцкого, была выше всякой похвалы. Они выстаивали вокруг небольших костров часами с винтовками в руках, и вид этих молодых вооруженных рабочих свидетельствовал о высоком революционном подъеме нашей Красной Гвардии.

Решающей бой произошел в следующую ночь между Царским и Красным селом. Красногвардейцы и матросы Пулковского отряда, под командой молодого гвардейского полковника Вальдена, после продолжительного артиллерийского боя, перешли в наступление, отбросили казаков Краснова и заняли в 2 часа ночи Пулково. Краснов отступил на Гатчино.

1-го ноября красногвардейцы заняли Гатчино и арестовали, по указанию представителя Военно-Революционного Комитета, генерала Краснова.

Из Гатчино отряды красногвардейцев двинулись на Лугу и Псков.

В середине декабря главнокомандующим войсками Петроградского военного округа был назначен тов. К. Еремеев, принимавший еще ранее деятельнейшее участие в работах по организации Красной Гвардии. В это время питерская Красная Гвардия представляла из себя внушительную силу, доходящую до шестидесяти тысяч бойцов, часть которых была закалена в боях с казаками Краснова. К. Еремеев решил объединить все вооруженные силы округа; для достижения этого он влил штаб Красной Гвардии в штаб округа и взял себе помощником по заведыванию красногвардейскими частями тов. И. Юренева.

На Красную Гвардию после окончания борьбы с войсками Краснова, была возложена гарнизонная служба в Красной столице. Все важнейшие караулы в городе несли красногвардейцы, они же дежурили по советам; караулы в Смольном, у членов Совнаркома, в артиллерийских складах, исключительно выполнялись красногвардейцами, так как солдатские массы были не вполне надежны, наблюдались даже случаи похищения караульными пулеметов для вывоза.

в Финляндию. Красной же Гвардии приходилось прекращать разгромы винных складов, производить обыски, аресты и т. д. Все это Красная Гвардия безропотно исполняла, посылая в то же время пополнения на западный и южный фронт и в Финляндию.

Так, между прочим, на западный фронт был отправлен в конце декабря 1-й батальон петроградской Красной Гвардии в составе 500 чел. в состав группы полковн. Вацетиса. Он принимал участие в операциях под Рогачевым против польских легионеров. 2-й батальон в составе 400 чел. выступил из Питера 1-го января под командой тов. В. Попова и принимал участие в боях против петлюровцев, при чем разоружил один их эшелон, против польских легионеров под Жлобиным и Рогачевом, наконец, против немцев, отбивая их атаки на ст. Красный Берег западнее Жлобина; здесь батальон, покинутый остальными частями 1-го Минского отряда, в состав которого он входил, вынужден был отступить и в начале марта 1918 г. вследствие убыли $\frac{3}{4}$ своего состава, был расформирован.

Командир этого батальона, тов. В. Павлов, дает такую характеристику красногвардейцам его батальона.

«Большинство красногвардейцев дрались как черти. Каптенармус батальона и кашевары бросали кухню во время боя и брались за винтовки; один из кашеваров командовал даже взводом... Дрались изумительно храбро, но не умели приспособляться к местности, напр., предпочитали стрелять стоя даже под огнем противника, не остерегались обхода, многочисленности противника. Вначале красногвардейцы относились очень ревниво к чести Красной Гвардии: преследовали грабителей в своих рядах, относились велико-

душно к пленным, даже к белогвардейским офицерам и юнкерам, но с течением времени, по мере соприкосновения со старой армией, это чувство чести постепенно падало, появилось понятие о «военной добыче», расстрелы пленных — правда, редко — по подозрению в шпионаже. Красногвардейцы никогда не обсуждали на собраниях вопросов боевого «оперативного» характера».

В декабре же из Питера выступили на южный фронт 1-й и 2-й сводные петроградские отряды Красной Гвардии в составе около 1000 чел. каждый. Эти отряды были направлены на Дон для борьбы с Калединым и совершили поход от Харькова на ст. Иловайскую, на Таганрог, и на Ростов; затем эти отряды были отозваны в Петербург и принимали участие в боях с финскими белогвардейцами у форта Ино. В бою под Ряженым, в 30 верстах севернее Таганрога 2-й отряд обошел противника, отрезав ему путь отступления на Таганрог, и захватил его эшелон с бронированными вагонами и поезд снабжения, уничтожив до 400 офицеров и юнкеров из отряда Корнилова. Противник в панике отступил, очистив ст. Синявскую и хутор Недвиговский.

1-й сводный Петроградский отряд Красной Гвардии еще до взятия Ростова был отправлен в Петербург, так как в нем стали проявляться признаки разложения и он стал уже не боеспособен.

Вообще следует заметить, что соприкосновение с частями старой армии и долгое пребывание на фронте, вдали от своих заводов и фабрик, неблагоприятно отражалось на Красной Гвардии, что отчасти можно объяснить не однородным политически составом частей. В отря-

дах и батальонах членов партии большевиков было немного, приблизительно 10—15%, большинство было сочувствующих, называвших себя большевиками; левых с.-р. и анархистов было незначительное число. Вследствие этого не было партийной спайки и строгой дисциплины. Связь с заводами и фабриками поддерживалась слабо, только жалованье привозили представители оставшихся в столице рабочих.

Этим объясняется и такое отрицательное явление, как дезертирство. Во 2-м Петроградском батальоне, проявлявшем в общей своей массе прекрасные боевые качества, было отмечено, по словам командира батальона тов. Павлова, до 50 случаев дезертирства.

15 марта 1918 года, на основании декрета Совнаркома об организации новой Рабоче-Крестьянской Красной Армии, части Красной Гвардии были частью расформированы, частью влились в новую пролетарскую армию, явившуюся регулярной вооруженной силой трудящихся классов. С этого момента надобность в Красной Гвардии миновала.

В Петербурге Красная Гвардия, как мы видели, формировалась планомерно задолго еще до октябрьской революции, во время которой она являлась главным рычагом, сломившим капиталистический строй. В Москве дело обстояло иначе; здесь Красная Гвардия появилась значительно позже и организация ее была случайная, не носившая характера правильной организации; она родилась в предоктябрьские дни, когда стала остро чувствоваться надвигающаяся гроза.

Дело вооружения рабочих в Москве было нелегким; оружия у рабочих оставалось мало, большая часть была отобраана московским

градоправителем, меньшевиком Никитиным, часть же рабочими была спрятана по заводам и фабрикам; изучать военное дело, знакомиться с оружием—не было ни малейшей возможности. Поэтому рабочие, чувствуя приближение развязки, возлагали надежды на гарнизон, но, тем не менее, они изыскивали способы вооружить себя и своих товарищей. Для указанной цели было образовано военно-техническое бюро, имевшее свой центр на заводе Михельсона, в Замоскворечье на Татарской ул. в помещении заводского клуба.

В состав военно-технического бюро вошли, между прочим, тов.: Пече, Р. Фельдман, Л. Пан, Николай и др. В бюро возникла мысль, если не хватает винтовок и достать их трудно, то нельзя ли вооружить рабочих гранатами и бомбами, приготовление которых сравнительно просто. С начала октября началось изготовление оболочек для ручных гранат и бомб на заводе Михельсона; недостаток был лишь за взрывчатыми веществами; на помощь пришел соседний завод Второва, снаряжавший гранаты для армии. Но как доставить взрывчатые вещества?

Рабочие завода Михельсон завязали сношения со второвскими рабочими. И вот темной ночью небольшая группа рабочих подошла к забору Второвского завода; подали условный сигнал, и над забором показался один ящик, потом второй; ящики были осторожно сняты и увезены на завод.

Тов. Л. Пан организовал еще районный центр военно-технического бюро в Хамовниках и работа закипела. За пироксилином поехали во Владимирскую губ. на пороховой завод. Затруднение встретилось при отливке гранат; ее нужно было производить так, чтобы этого не

обнаружил ни мастер, ни инженер. Выручил один литейщик, предложивший готовить в каждую смену не более 20 штук, формовку которых он брался разместить так, чтобы ее никто не заметил. Особенно опасна была заплата начиненных гранат артиллерийского образца. Производилась она следующим образом. По начиненной пироксилином оболочке быстро проводили раскаленным паяльником и сейчас же это место охлаждали мокрой тряпкой. К двадцатым числам уже было готово 300 гранат.

До октябрьских дней Москва в 1917 году не видела уличной борьбы; московский пролетариат хотя и предвидел необходимость и неизбежность борьбы, тем не менее к ней готовился не так, как Питер, своей Красной Гвардии заблаговременно Москва не подготавливала, военно-революционного комитета не было и только в начале октября, как только что было указано, соорганизовалось военно-техническое бюро. События в Питере дали толчок и Москве.

25-го октября в соединенном заседании С. Р. и С. Д. был избран военно-революционный комитет в составе тов.: Муралова, Ломова, Усиевича, Смирнова, Кушнера, Смидовича, Розенгольца, Ведерникова, Тейтельбаума, Николаева и Константинова. На следующий день комитетом отдан был приказ в силу которого: 1) весь московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию военно-революционного комитета; 2) никакие приказы и распоряжения, не исходящие от военно-революционного комитета или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат.

28-го из комитета вышли меньшевики:

Тейтельбаум и Николаев, вследствие внутренних трений; они были против организации Красной Гвардии.

Нужно сознаться, что военно-революционный комитет оказался мало активным, он на первых же шагах своей деятельности сделал крупную ошибку, не призвав рабочих к забастовке и не организовав хотя бы явочным порядком Красной Гвардии; поэтому весь центр города быстро оказался в руках юнкеров и военно-революционный комитет был почти совершенно оторван от районов, плохо связанных между собой; последние вынесли на своих плечах всю тяжесть организации Красной Гвардии под огнем и вели борьбу, не зная, что творится в центре.

Вследствие такой инертности центра, в первый день вооруженного восстания замечалась вялость; в Красную Гвардию записывалась только рабочая молодежь, да и для нее не хватало оружия. Только 29-го встали фабрики и заводы; тут оживились рабочие кварталы; Красная Гвардия стала увеличиваться численно. В эти памятные дни деятельное участие в деле организации вооружения рабочих приняла тов. В. Н. Яковлева и А. Ведерников (Сибиряк), ныне умерший, бывший Начальником Штаба Московской Красной Гвардии.

Отовсюду на помощь Москве стали пробираться отряды красногвардейцев: из Тулы на автомобилях рабочие привезли пулеметы; на Воробьевых горах установили тяжелые французские орудия. Вся область по условленному призыву бюро партии большевиков 29-го восстала и посылала в Москву боевые рабочие дружины. Началось наступление Красной Гвардии с окраин на центр, занятый юнкерами; впереди наступали рабочие Замоскворечья. Всего

вооруженных рабочих насчитывалось около трех тысяч, их поддержали войска и победа досталась Красной Гвардии—2-го ноября в 5 час. вечера был заключен договор между Военно-Революционным Комитетом и Комитетом Общественной Безопасности о прекращении военных действий и разоружении и расформировании белой гвардии. (Договор этот приводится мною в точном снимке с подлинника). Следует отметить, что при переговорах о заключении договора, белогвардейский вождь, Руднев, готов был на всякие компромиссы за исключением одного, он категорически настаивал: «Красной Гвардии не должно быть».

Это характерное требование является лучшей характеристикой московской рабочей Гвардии ее злейшими врагами. Ясно, что белогвардейцы больше боялись малочисленной Красной Гвардии, чем войск, общая численность которых достигала 15 тысяч вооруженных активных и 25 тысяч резервных, не активных.

Вооруженными силами красных в центре руководил штаб Военно-Революционного Комитета, состоящий из тов. Муралова, Ярославского и Аросева, разведывательной службой заведывал тов. Максимов. Поддерживать связь с районами и руководить ими, было чрезвычайно трудно и только время-от-времени пробывавшиеся товарищи сообщали центру, что в районах кипит работа и продолжается организация красногвардейских частей.

О работе штаба один из участников тов. Самсонов рассказывает так: «Я стал работать помощником секретаря Революционного Штаба с 26-го октября. Дело Штаба еще не было налажено. Часто было, что некому принять донесение или

отдать распоряжение. Но здесь выручала товарищеская находчивость: кто-либо из штаба брал на себя работу и исполнял. Часто было, что начальники боевых участков требовали себе поддержки, а распорядиться некому. В таких случаях делалось очень просто: кто-либо из товарищей шел в помещение и кричал во все горло:

— Товарищи, нас на участке N... теснят, идите к нам 70—80 человек!—и тут же рассказывает, как белым дали трепку. Сейчас же на клочке пишет записку начальнику отряда и передает ее уходящим. Обыкновенно шли небольшими кучками. Часто вместо требуемого числа являлось гораздо больше, а иногда и наоборот.

Но вот стали работники прибывать. Революционный Штаб разделил функции между товарищами. Товарищ Аросев исполнял обязанности председателя. Большинство активных работников не спали—дни и ночи слились. В комнатах стало трудно ходить от массы народа. Заседания Штаба происходили до полуночи. В это время собирались начальники участков. Они приносили вести с участков, и всегда сообщалось, что нам трудно, но что дерутся наши геройски. Связь с участниками была живая; телефонов полевых не проводили. Артиллерии было очень мало. В Штаб приносили оружие, бомбы и являлись товарищи с известиями о победе и с просьбами о назначении на боевые участки. В Штабе шла усиленная работа. Машинистки работали наравне со всеми дни и ночи, не смыкая глаз. Только через несколько дней им удалось уснуть на столах за машинками. Я помню, некоторые после четырех бессонных ночей качались и не могли стоять. Большинство отдыхало, прикурнув на стульях, положив голову на ладонь, а ладонь—на стол».

В Замоскворецком районе шла особенно интенсивная работа по организации Красной Гвардии; тут проявляли необычайную энергию тов. Фрадкин, Яковлева, Кизельштейн, Владимирский, Добрынин и др. У мостов, соединяющих Замоскворечье с центром, были выставлены усиленные кордоны красногвардейцев, зорко следившие, чтобы не прошел из города кто-либо чужой без пропуска Военно-Революционного Комитета.

Один из членов Московского Совета так описывает бдительность этих кордонов.

«Вход на мост запружен большой толпой. С большим трудом протискался через толпу и натыкаюсь на кордон. Стоят красногвардейцы и у каждого спрашивают пропуск Военно-Революционного Комитета. Такого пропуска у меня нет. Предъявляю Советское удостоверение. Долго его рассматривает бодрый старик, у которого за плечами виднеется винтовка, отходит в сторону, и мне бросается в глаза привязанная к винтовке веревка, заменяющая собою ремень. Он советуется с молодым парнем, слышу резкий голос: «пропуск выдан соглашательским Советом. Нельзя!»—К мосту с противоположной стороны приближается еще группа красногвардейцев. Издали видно значительное количество товарищей. Тянет к ним, а не пропускают».

До октябрьских дней в Замоскворечьи был небольшой районный отряд Красной Гвардии человек в 40, во главе его стоял рабочий металлист-токарь тов. Пече, входивший в суд военнотехнического бюро. Во время восстания отряд значительно увеличился и насчитывал в своих рядах до 1000 человек, разделенных на два разряда: боевой и караульный; во главе этого отряда стал тов. Добрынин, студент, убитый

во время боя на Остоженке. Тов. Добрынин по свидетельству красногвардейцев, всегда шел впереди и первый кидался в атаку на юнкеров. После боя на Остоженке командование отрядов принял тов. Сычев—солдат, перешедший потом командиром в черную гвардию анархистов. Отмечают также героическую работу тов. Люси, которая вместе с отрядом участвовала в боях на Остоженке, перевязывала раненых, подбадривала их и за этой работой была убита.

Замоскворецкий отряд после революции принимал участие в боях на Дону с Калединым, в Смоленской губ., в Ельнинском уезде с польскими легионерами, а также часть его была на Украине.

Штаб городского района ютился на Сухаревке в трактире Романова. Ни Красной Гвардии, ни оружия в распоряжении Штаба не было и только 25-го октября началась работа по организации Красной Гвардии района и снабжению ее оружием. Оружие было доставлено из соседних—192, 251 и 56 полков, но в небольшом количестве; несколько позже были захвачены Симоновские ружейные склады и оттуда организовано снабжение центра и других районов. Почтамт, находившийся в этом районе, в самом начале восстания был захвачен юнкерами, оттуда их пришлось выбивать, что было сделано в буквальном смысле горстью самоотверженных красногвардейцев.

Затем, на Красную Гвардию выпала нелегкая задача уничтожения винных складов, прекращение их разгромов и борьба с грабителями. Громили склады, громили магазины. Патрули красногвардейцев задерживали грабителей и доставляли их в район. На одном из доставленных красногвардейцами громил было одето четыре

пальто, четыре пиджака, четверо брюк, он представлял курьезное зрелище и, не смотря на серьезность момента, вызывал всеобщий смех.

Большую помощь московским рабочим оказали товарищи, прибывшие из ближайших фабричных районов. Так серьезную поддержку дал Мытищенский и Щелковский Совет, Павловская слобода, Серпухов и др. пункты, вставшие на защиту советской власти.

Как только слухи о питерских событиях дошли до рабочих московского района, они тотчас же начали вооружаться и готовиться к предстоящей борьбе.

О работе в Щелкове весьма обстоятельно повествует рабочий тов. Е. Антонов, принимавший непосредственное участие в формировании Щелковской Красной Гвардии. Приводим его рассказ.

«В двадцатых числах октября Щелковский Совет решил мобилизовать на всякий случай все силы. Были на фабриках устроены митинги и собрания, на которых рабочие призывались организовать боевые отряды. Рабочие быстро откликнулись на призыв. Фабричные ячейки стали вести запись добровольцев в Красную Гвардию. Я был назначен постановлением Совета начальником Штаба Красной Гвардии; сейчас же мною были вытребованы в Совет все свободные на фабриках добровольцы и объявлено им, что они должны отправиться в Мытищи, так как Мытищенский районный Совет являлся в те дни сборным и пересыльным пунктом. Мое распоряжение в тот же день было исполнено. Оружия не доставало, но это никого не смущало и рабочие шли даже не вооруженными, шли бодро и смело.

«Я проводил первую партию до Мытищ, сдал ее тов. Титову, а сам вернулся в Щелково, где

с 5 красногвардейцами должен был охранять Совет. К 27-му октября была сформирована вторая партия Красной Гвардии. С ней я отправился сам в Москву, — не мог я вытерпеть, чтобы не принять участия в московских боях.» «11 часов вечера; темень непроглядная; ветер дует до невозможности сверху сыплет дождик вместе со снегом. Садимся на два грузовика; нас около 75 человек; тесно ужасно, стоять невозможно; винтовки у нас заряжены; товарищи, которые разместились у бортов грузовика, держат на изготовку. Едем без огней; холодно, руки коченеют; автомобили летят стрелой; шоферы прямо герои; все мы веселые, шутим, смеемся.

«В нашем отряде были две девушки с фабрики Л. Рабенок и одна женщина, оставившая дома двух малых детей своих. Вот какой был тогда подъем духа у рабочих. Среди нас были молодые и пожилые. Приезжаем в Сокольнический трамвайный парк; покормили ужином, отогрелись, отдохнули и нас стали разводить на подкрепление нашим товарищам, сражавшимся уже без смены по несколько дней. Я пошел в район Тверской, в то время работы там было мало, и вступил в один из отрядов Красной Гвардии московских рабочих, но вскоре за мной прислали из Щелковского Совета. Я пошел к вокзалу какими-то переулками; было тихо, только издали слышались орудийные выстрелы и трещал пулемет; во многих местах мне попадались навстречу партии вооруженных рабочих.—Приехал в Щелково, я занялся опять организацией отрядов для отправки их в Москву для защиты пролетарской революции. В общем, Щелковский район дал не менее 400 бойцов, полных энергии и революционного подъема».

«В дни Калединского наступления я опять

был призван Советом работать по организации постоянной Красной Гвардии для посылки на Дон. Я работал с тов. Пустовым; записывали добровольцев, формировали отряды и отправляли их на фронт против Каледина. Наши отряды шли через Московский штаб. В январе 1918 г. в наш Щелковский Совет на должность секретаря поступил тов. Иванов, бывший прапорщик. Ему, совместно со мной, было поручено создать самостоятельный Щелковский отряд Красной Гвардии, который бы выступил на Калединский фронт самостоятельно со своим собственным штабом. Совет наш, по докладу тов. Иванова, утвердил революционный штаб из пяти товарищей: Иванова, Термосесова, меня, Медведева и Сирина. Штаб немедленно приступил к организации отряда, но денег у нас не было. В революционный штаб было вызвано все Щелковское купечество. Купечество откликнулось, сейчас же самообложилось и дало денег Штабу. Вскоре революционный Штаб был распущен и вместо него создан штаб Щелковского отряда в составе: начальника отряда Термосесова, меня в качестве начальника хозяйственной части и адъютанта—тов. Иванова. По распоряжению Окружного Комиссара Муралова Щелковский отряд был переименован в 1-й московский уездный революционный полк красной армии».

Подобно Щелковской Гвардии, формировались или, лучше сказать, импровизировались рабочие красные части почти во всех фабриках и заводах Московской области. Состав частей был исключительно рабочие и только руководители иногда были из другого класса, но душой преданные идее пролетарской революции; политический облик Красной Гвардии—большевики,

сочувствующие им, интернационалисты, значительно меньше левых с.-эров и небольшой % анархистов.

В смысле организованности, Московская Красная Гвардия к октябрьским дням значительно уступала Питерской, чем и объясняется неуверенность ее действий, переговоры с белогвардейцами, заключение с ними перемирия и, наконец, договор 2-го ноября. Численно она также уступала Питерской; в то время, когда последняя исчислялась десятками тысяч, Московская насчитывала в своих рядах всего только около 3 тысяч бойцов, правда, душой и телом преданных делу пролетариата.

Красная Гвардия в отличие от Национальной Гвардии Парижеской Коммуны не носила никаких внешних отличительных знаков, командиры ее тоже ровно ничем по виду не отличались от рядовых красноармейцев, они также были с винтовками как и прочие; никакой формы Красная Гвардия не носила—она ей была не нужна. Если в блях на улицах города, это не было сопряжено с неудобствами тактического характера, то в поле, отсутствия внешних отличительных знаков Красной Гвардии, часто сказывалось и нередко затрудняло при разведке выяснение противника—бывали случаи, что за противника принимали своих же товарищей.

Ввиду сказанного вновь формируемая красная армия уже была обмундирована в единую форму с отличительным знаком—Красной звездой—на головном уборе.

VII.

Красная Гвардия в провинции.

Если бы мы захотели ознакомиться с историей Красной Гвардии во всех уголках обширной территории республики семнадцатого года, то пришлось бы исписать тысячи листов, потратить на эту работу несколько лет, объездить всю Россию, проникнуть в Сибирь, в Туркестан, на Кавказ, на Дон, в места занятые ныне Деникиным и т. д. Но при современных обстоятельствах это совершенно невозможно, поэтому придется, к сожалению, ограничиться ознакомлением с деятельностью Красной Гвардии лишь в некоторых наиболее промышленных местностях России как занятых ныне противником, так и не занятых им.

Прежде всего я останавлиюсь на обзоре истории возникновения Красной Гвардии в Донецком каменноугольном бассейне, в Юзовском районе.

С марта 1917 года в Юзовском районе деятельное участие в организации рабочих принимал тов. Н. Суглицкий. Им совместно с тов. Я. Залмевым был организован Мокеево-Юзово-Петровский комитет партии большевиков, положивший начала Красной Гвардии Донецкого бассейна. Возникла она в октябре месяце.

На заводе «Русское Общество» бывш. Парвияйнен близ ст. Юзово по постановлению партии

социал-демократов (большевиков) было решено заменить постоянную милицию обязательной для всего завода милицейской службой по очереди. В это время в Мокеевке начала проявляться власть Каледина, появились казаки, партизанский отряд Гернецова и т. п. Видя неизбежное столкновение с казаками, шахтеры стали подумывать о приобретении оружия; были посланы рабочие в Харьков и Тулу за ружьями.

Посланные потом рассказывали, к каким хитростям они прибегали, чтобы оружие не попало в руки казаков. Впереди поезда, с которым следовало оружие, ехало несколько человек, они обязаны были узнавать о «благонадежности» станций, лежащих на пути, и при посредстве секретного шифра осведомлять товарищей, едущих с оружием.

Так было доставлено оружие в Юзово, где оно ночью было роздано всем членам партии большевиков. На следующий день было экстренное собрание меньшевиков и с.-р.-ов; на разрешение был поставлен вопрос, вступать ли членам партий в ряды Красной Гвардии. Меньшевики постановили, что желающие могут вступать в Красную Гвардию. Таковых однако не нашлось. С.-ры раскололись на три части: правые отказались вступать в Красную Гвардию; центр определенно не высказался ни за, ни против ему было безразлично; левые настаивали на вооружении рабочих и совершенно откололись от всей партии, примкнув к большевикам; таких оказалось человек десять.

На следующий день были произведены выборы начальника отряда и взводных командиров; начальником отряда был выбран бывш. унтер-офицер Пилипенко; постановлено обязательно ежедневно производить обучение строю и озна-

комление с винтовкой, которую большинство в первый раз даже держало в руках. Начальник отряда был освобожден от работ на заводе с сохранением ему оклада заработной платы.

Дружно и весело шло обучение; старики смешили всех своей неповоротливостью, но все же не отставали от молодежи. Было установлено ночное дежурство на случай неожиданного нападения казаков.

Однажды произошел курьезный случай. На каменоломне верстах в двух от завода без предупреждения военной организации взорвали две «бурки». Поднялась тревога и несмотря на глубокую ночь через каких-нибудь 20 минут все были готовы, рассыпались в цепь и пошли, выслав вперед дозоры, на выстрелы. Нужно было видеть ту твердость, решимость, гнев, неустрашимость и серьезность, которую проявляли рабочие выступая в первый бой, только все высказывали сожаление, что нет пулеметов. Скоро выяснилось, что тревога была ложная— было весело и бодро, много смеялись над собой.

На заводе должна была дежурить постоянно одна смена милиции в 50 человек; эти товарищи были освобождены от работ, но получали жалованье полностью; через две недели заступали следующие 50 чел. и т. д. Таким образом предполагалось обучить военному делу весь завод.

Женщины образовали Красный Крест.

Получив винтовки, рабочие горели желанием отомстить казакам за своих Мокеевских товарищей, находившихся тогда под игом Гернецова. (Мокеево в Области Войска Донского.)

О начале военных действий тов. Суглицкий рассказывает так: «Ночью прибегает наш краснотгвардеец, дежуривший у телефона, и будит меня, требуя немедленно к телефону. Оказалось

говорила Юзовка. Сообщали, что Прохоровский рудник начал военные действия против казаков. 25 казаков под командой офицера явились, чтобы разогнать Прохоровский Совет и посадить своего начальника милиции. Прохоровцы дали по ним залп, убили офицера и семь казаков; казаки отступили. Просят немедленной поддержки людьми и винтовками, так как наверное будет наступление казаков».

«Выстрелами мы собрали всю нашу Красную Гвардию, обучавшуюся всего только одну неделю, но твердую и сильную духом, горящую желанием не допустить царства нагайки. Забрали мы 10 верховых лошадей в заводе, образовали конную разведку, посадили красногвардейцев на поезд, присланный за нами, и отправились в Юзовку, как сборный пункт».

«В Юзовке отыскиались специалисты, которые быстро собрали пулеметы, имевшиеся в разобранном виде в местной милиции, и в два часа ночи двинулись на поддержку Прохоровцев. Я поражался выносливости, терпению, организованности, вернее сплоченности красногвардейцев. При переезде с рудничка на рудничок постоянно можно было слышать окрик: «стой» и сейчас же с винтовкой на изготовку подходит один или два рабочих в своей тужурочке-шахтерке, в чунях, сидевших, несмотря на мятель и холод, где-нибудь под железнодорожными путями, или за бугорком. Откровенно говоря, я боялся не казаков, а именно этих карауливших дорогу, была выюга, ветер заглушал человеческий голос—не остановишься на окрик и будешь снят с лошади, так как со словом «стой» слышался, как щелкал затвор винтовки».

«Часов в 5—6 прибыли на Прохоровку. Радости и восторгам рабочих не было конца. Все

чувствовали, что настал час жестокой расплаты, что мы едины и сильны, если не знанием военного дела, то, во всяком случае, духом и своей мозолистой рукой».

«В 10 часов была тревога, было получено известие, что 200 казаков идут через ст. Мушкетово на Рыковский рудник выручать 50 человек казаков, бывших в засаде и окруженных красногвардейцами. К ст. Мушкетово была двинута цепь. Надо было видеть, как не знавшие, что такое строй, не умевшие еще хорошо вложить обойму в винтовку красногвардейцы шли, подравнивая цепь, в своих засаленных, подчас рваных зипунах и в чунях по довольно глубокому снегу».

«Ст. Мушкетово была занята без выстрела; рассыпались цепью, чтобы не дать казакам проехать ни по одной дороге. Тут впервые пришлось открыть огонь по казачьему разъезду. Один из наших был ранен в ухо. Часа в два получена была в нашем штабе телефонограмма из Юзовки от тов. Залмаева, что генерал Балабин предлагает заключить перемирие, просит выпустить из Рыковского рудника казаков и выдать трупы убитых. Наш штаб во главе с анархистом тов. Мухиным был против перемирия, центральный же штаб настоятельно требовал, так как не хотел лишних жертв. Пришлось подчиниться центру».

«В первый день Рождества вечером меня зовут к телефону. Требуют немедленно собраться, чтобы занять в ночь Мокеевку, так как с севера со стороны Никитовки идет тов. Сиверс с многочисленным отрядом солдат. Через час мы выступили. Был получен оперативный приказ от Сиверса произвести демонстрацию в то время, когда он будет занимать Мокеевку. Мы шли ночью и сбились с дороги. Мы наступали тремя

группами. Первая группа подошла к Мокеевке вплотную, но потом, не имея связи с двумя другими группами, отошла. Днем мы произвели разведку и выяснили, что казаки в панике бежали, оставив нам в казармах продовольствие, пики, седла и до 50 лошадей. В казармах нашли недописанные письма, в которых говорилось, что 15 тысяч красnogвардейцев окружили их. До того у них был страх, что нас, не обученных, не умеющих владеть винтовкой, в количестве всего не более тысячи человек, приняли за грозную силу в 15 тысяч. Как потом оказалась, группа в 80 человек с одним орудием выгнала из Мокеевки 400 казаков. Это была первая победа рабочих Донецкого бассейна».

После этого настроение рабочих сразу поднялось, началось вооружение пролетариата и разоружение буржуазии. В это время тов. Сиверсом в Юзовский район был командирован бывший офицер тов. Потапов для создания из разрозненной Красной Гвардии разных заводов и рудников боеспособной красnogвардейской единицы. Потапов деятельно принялся за работу и не давал красnogвардейцам передышки: занятия сменялись походами, походы — сторожевой и охранной службой; он ввел строжайшую дисциплину и жестоко карал за преступления, особенно за воровство, наказания были очень строгие до расстрела включительно.

Тов. Суглицкий, рассказывая об этом периоде жизни Донецкой Красной Гвардии, передает следующие подробности из боевой жизни:

«Помню, в проливной дождь и непролазнейшую грязь мы получили приказ от Потапова занять шахту Иван, кирпичный завод, немецкую колонию и выставить сторожевое охранение. Передвигались мы ночью, вымокли до нитки.

На шахте Иван нас разбили по-ротню; прибывали подкрепления из добровольцев. Занимая сторожевыми постами важные тактические пункты и производя постоянно рекогносцировки, мы опять получили приказ произвести демонстрацию в направлении на Ханженково и Харцызск (к востоку от Мокеевки верст 12—15). Наступление не удалось вследствие того, что солдаты, бывшие у тов. Сиверса, отказались идти, ему пришлось двинуть вместо них организованную наспех в Горловке и Никитовке, но еще не обученную, Красную Гвардию. Боевое крещение Горловской и Никитовской Красной Гвардии было неудачно; казаки имели в своем распоряжении 16 пулеметов, чего у нас не было. Целый день боя не дал ничего; красногвардейцы дрогнули и... побежали. В Мокеевке мы оказались в кольце: с Моспино (с юга) наступала одна группа казаков, с Харцызска (с востока) другая. Ночью был получен приказ начать отход из Мокеевки на ст. Ясиноватую (на север по железной дор.). Мы в полном порядке, прямо образцово—отошли на Никитовку (северо-восточнее Ясиноватой верст на 30—35), разоружив в Горловке казачий эшелон». В Никитовке началось обмундирование красногвардейцев. По словам тов. Суглицкого, заведывавшего впоследствии политическим отделом 23 дивизии, многие красногвардейцы, получив сапоги и белье, уходили домой, говоря, что они свое износили. Однако, несмотря на такое печальное явление, отряд тов. Потапова имел до 1200 человек и первым подошел к Ростову и первым в него вступил.

В отрядах тов. Сиверса организация была поставлена на твердую почву; была введена строгая дисциплина, безусловное и неприкослов-

ное исполнение приказа начальника, строгие наказания за ослушание; произведена регистрация всех красногвардейцев; упорядочена хозяйственная часть, сформирован поезд снабжения; продукты заготавливались в Мокеевке и окрестных деревнях, хлеб в избытке бесплатно доставляли жители Таганрогского округа.

Воспользовавшись происходившими среди казаков волнениями, красногвардейские части Сиверса перешли в наступление. Казаки отходили почти без сопротивления; красногвардейцы гнали их до ст. Матвеев Курган, что севернее Таганрога. У Матвеева Кургана произошло столкновение с добровольческой армией в четыре раза сильнейшей, некоторые части которой были сплошь из офицеров. Единственный броневик, бывший у красногвардейцев, на пути к ст. Ряженое был выбит из строя, пулеметов было всего только два. Отбиваясь как только возможно, расстреляв пулеметные ленты, потеряв все номера ранеными и убитыми, красногвардейцы не выдержали натиска и отступили, резерв же своевременно не был подведен. Если бы не артиллерийская батарея тов. Отделенного своим метким огнем сдерживавшего атаки противника, сражение под Матвеевым Курганом было бы Красной Гвардией проиграно; благодаря же артиллерийской поддержке Ряженое было занято и белогвардейцы выбиты с большим уроном со станции.

Тов. Суглицкий свидетельствует об исключительной храбрости в этом сражении латышей.

«У меня,—говорит он,—с завода было 30 человек латышей-большевиков. Это был лучший, самый примерный взвод. В этом взводе был старик, которого до линии огня подвозили на телеге, у него был жестокий ревматизм, а дальше

в бою он шел и бежал не отставая от цепи вместе с товарищами. Я его просил остаться дома, не ехать с нами, не ходить в бой, он твердо и определенно ответил мне: «Я большевик и знаю постановление партии»! Возражать было нечего. У другого старика убили на его глазах в бою сына, он ни на минуту не остановился у дорогого трупа, он твердо шел вперед. Некоторые из латышей, будучи ранеными, стреляли до тех пор, пока враги, подойдя к ним, не пускали им в лоб свою пулю».

Под Неклиновкой между Матвеевым Курганом и Таганрогом красногвардейцам снова пришлось выдержать сильный бой, в результате которого они временно отступили до прибытия подкреплений, и только с их помощью продвинулись к Таганрогу.

В Таганроге возникла мысль организовать интернациональные отряды Красной Гвардии. Первыми вступили в нашу Красную Гвардию пленные чехи после избиения их казаками на Ясиновском руднике; затем, образовалась немецко-австрийская рота.—Это была наилучшая рота в смысле выносливости, стойкости и дисциплинированности.

Последний бой перед Ростовом произошел на участке Гниловская—Ростов. В этом бою кроме Донецких красногвардейских частей принимала участие Питерская и Московская Красная Гвардия, а также и латышские стрелковые батальоны. Бой происходил на фронте в несколько десятков верст. Первыми в Ростов вошли разведчики с тов. Суглицким во главе; они восторженно были встречены рабочими и работницами Ростова. Одна женщина от восторга совала в руку Суглицкому 3-х рублевую бумажку, когда же он отказался от такого подарка, то она со слезами

говорила, что у нее больше нет и умоляла взять и только тогда успокоилась, когда Суглицкий взял у нее деньги. Старушка была счастлива. При вступлении Красной Гвардии в Ростов, она была обстреляна из пулеметов и револьверов из окон и с крыш домов. Пришлось произвести обыски в домах и сбрасывать с крыш стрелявших.

Чтобы отрезать добровольческой армии путь отступления на Екатеринодар, Донецкая Красная Гвардия была выдвинута к ст. Кутуевке, где ее поддерживали казаки, образовавшие Совет и Революционный военный комитет.

Из Ростова Донецкий отряд был отправлен на Украину, где действовал под Конотопом, Сумами, Готней, Харьковом, Волчанском и Валуйками, а затем был переформирован в Красную армию и вошел в состав 23 дивизии.

После Донецкого бассейна Урал является следующим значительным рабочим районом, поэтому для полноты картины необходимо бросить взгляд на организацию Красной Гвардии рабочими Уральских заводов.

Красной Гвардии того типа, какой наблюдался в других рабочих центрах, по словам одного из деятельных работников тов. Ковшова, на Урале не существовало; группы вооруженных рабочих там не назывались красногвардейскими формированиями, а им присваивали название «Боевых Организаций Народного Вооружения». Но дело не только в названии и по существу была принципиальная разница между той и другой формой вооруженных сил пролетариата. Но задачи, которые преследовали обе эти формы вооруженного пролетариата были одни и те же, поэтому и нельзя отделять Боевых Организаций Народного Вооружения от Красной Гвардии и

не рассматривать первых в очерках истории последней.

Разница между двумя указанными разновидностями заключалась в следующем. Красная Гвардия первоначально формировалась под видом заводской милиции и имела прочную связь с местными Советами, вследствие чего судьба красногвардейских отрядов в значительной мере зависела от колебаний в политике Советов, что не трудно усмотреть в истории Питерской Красной Гвардии; Боевые же Организации Народного Вооружения с Советами совершенно не были связаны, они создавались, финансировались и руководились исключительно партией. В этой обособленности Боевых Организаций большую роль сыграл тот факт, что огромная доля работы по их созданию выпала на старых деятелей революции, старых уральских партийных работников-боевиков братьев Ивана, Эразма и Михаила Кадомцевых, из которых второй воплотил в Боевых Организациях большую часть духовного наследия брата Ивана, а также не мало собственной энергии и инициативы, работая всюду рука об руку с братом Михаилом. Из них Иван умер, схватив во время работы воспаление легких, Михаил погиб во главе своего отряда в сражении с чехо-словаками под Самарой, Эразм исчез в волнах гражданской войны и участь его не известна.

Вот эти-то братья Кадомцевы, стоя во главе дела, в уставах и инструкциях Боевых Организаций воскресили многие из заповедей дореволюционных подпольных боевых дружин, заимствовав оттуда прежде всего для уральских красногвардейских групп самое название Боевых Организаций Народного Вооружения. Так в первом параграфе имеются строки, говорящие о

том, что Б. О. Н. В., перенимая от армии и полиции все их функции, отрубают функции противонародные. В их уставах нигде нельзя найти точной формулировки классовых заданий, но самый способ формирования и внутреннего строя делал их строго классовыми. В Боевые Организации имели доступ только партийные товарищи на основании строгих рекомендаций и с определенным стажем, хотя допускались также анархисты и левые с.-р.-ы. Таким путем создавалась масса боевиков. Во избежание разжижения в этой массе революционного духа, она подразделялась на три дружины: в первую дружину входили представители от пятидесяти, во вторую—представители от десяти, третью дружину составляли боевики, не входившие в первые две категории. Представители первой дружины, наиболее закаленные в революционных бурях, занимая все ответственные должности и распространяя всюду опыт старых классовых вожakov, спаявали все три группы.

Зависимость Боевых Организаций от партийных органов была чрезвычайно сил на. Во главе Организаций был штаб, состоявший из начальника штаба, его помощника и трех членов; все они утверждались всегда партийным комитетом, и без его согласия штаб не мог ступить шагу.

В организационном отношении Б. О. Н. В. представляли собой весьма стройный механизм. На местах при партийных группах из членов партии с.-д. (большевиков) составлялась Б. О. во главе со штабом. Эта организация одного из десяти посылала в уездный центр, который в свою очередь посылал десятого в губернский центр. С течением времени высылался пятидесятый и таким образом при уездных и губернских комитетах партии образовались постоян-

ные кадры. Местные боевики не оставляли своих обычных занятий на фабриках, заводах и в сельском хозяйстве. Внутри каждая Б. О. делилась на десятки и сотни, а в уездных и губернских объединениях и на тысячи.

При губернских и уездных Организациях существовали инструкторские курсы, где изучались уставы Организации, составленные тов. Э. Кадомцевым, умение владеть оружием и строй. Местные организации по первому требованию высших представляли в их распоряжение нужные силы, что оказалось весьма полезным в борьбе с казаками.

Вооружение боевиков было довольно быстрым, так как каждая боевая Организация вооружалась самостоятельно. Сельские боевики вооружались вначале винтовками, принесенными демобилизованными с фронта, а потом получали его от уездных и губернских центров. Только к январю 1918 г. большая часть Б. О. получила хорошее вооружение, пулеметы и необходимое снаряжение. Общая численность боевиков в Уфимской губернии, где преимущественно процветали Б. О., к апрелю 1918 г. достигала четырех—пяти тысяч.

Условия работы Б. О. были очень любопытны и тяжелы. Они не были легализованы местной советской властью; про них, конечно, знали, так как они существовали открыто под флагом партийных боевых дружин и работали параллельно с боевыми дружинами правых с.-р.-ов. Часто такое параллельное существование оканчивалось стычками. В Златоусте, например, боевая организация большевиков в марте 1918 года разоружила с.-р.-овскую боевую дружину.

Возникли В. О. на южном Урале в июне—июле семнадцатого года, а легализованы были

местными советами к ноябрю 1917 г., местами же только к январю следующего года. К этому времени завершилось и внутреннее накопление сил и они стали уже формироваться за счет всех революционных элементов.

Работа Б. О. была весьма разнообразна. Они в буквальном смысле приняли на себя все функции старой армии и полиции, отрубив все против народное. На них выпала работа охраны и насаждения Советской власти на южном Урале, борьба с самогонкой, спекуляцией, мешечничеством, подавление белогвардейских восстаний в Уфимской и Оренбургской губерниях. Отряды боевиков непрерывно сражались под Оренбургом, Уральском, Троицком и Челябинском. Дутовская авантюра была ликвидирована почти исключительно отрядами боевиков; к весне восемнадцатого года отряды боевиков под командой Михаила Кадомцева и тов. Блюхера разбили Дутова под Уральском и загнали его в Белорецкий завод, где он едва не попался в плен.

В феврале в Златоустовском уезде вспыхнуло восстание кулаков на почве учета и реквизиции хлебных излишков. Отряд Златоустовских боевиков числом в 100 штыков в трое суток разбил во много раз сильнее отряды кулаков и восстановил советы.

Также посылал Златоуст свои отряды в Оренбургскую губернию против станиц Травниковской, Кундравинской и др., присоединившихся к Дутову. Принимая участие по распоряжению тов. Троцкого в разоружении чехо-словацких эшелонов, следовавших через Уфу на Златоуст, Б. О. между прочим разоружил один эшелон с французской миссией, проходивший по этому пути перед самым восстанием чехо-словаков.

Первый бой на Урале с чехо-словаками про-

изошел 27 мая в Златоусте, когда чехо-словаки числом около 600 чел. пытались занять Златоуст. Златоустовская Б. О. не превышала 200 чел., тем не менее чехо-словаки были выбиты после боя из города. Конный отряд златоустовских боевиков в числе 25 человек гнал чехо-словаков 60 верст и вернулся, приведя пленных.

В бою под Златоустом боевики явили истинные примеры мужества и героизма. Семнадцатилетние юноши умирали с улыбкой на устах; старики умирали с проклятиями тем, кто дерзнул посягнуть на Советскую власть. Дрались боевики геройски, но по большей части терпели поражения в последующих сражениях с чехо-словаками. Спрашивается, почему это было так, в чем причина?

Причин много! Между прочим одна из причин заключалась в следующем. Боевики обладали революционным духом; приученные предыдущей службой к выполнению частных, не требующих продолжительного времени, задач, они не расставались с мыслью о скором возвращении из похода домой; затяжная борьба, продолжительное сидение в окопах, им были непривычны, революционный дух требовал решительных действий, а таких не было,—отсюда быстро являлась апатия, усталость и боевая энергия падала. Сказывалось отсутствие общей боевой неподготовленности, неумение обращаться и сохранять оружие, незнание строевой службы. Главное же зло заключалось в отсутствии объединяющего командования. Разбитые на отдельные отряды численностью от двадцати человек до 400, с самостоятельным начальником, а часто и комиссаром, они стремились к автономному выполнению операций, к партизанским действиям и не вполне подчинялись распоряжениям высших

штабов. Большую роль играла также недостаточность и неподготовленность командного состава. Происходило это потому, что самые принципы формирования Б. О. Н. В. не допускали в их ряды за редкими исключениями людей, знающих военное дело, т.-е. бывших офицеров. Точно также влияло на малую успешность действий и отсутствие войск специального назначения, если же они и были местами, то распределялись неправильно, не учитывались опыты минувшей войны; не было достаточно кавалерии, артиллерии, частей связи и т. д.

Борьба с регулярными чехо-словацкими и офицерскими частями становилась все труднее и труднее. В самой среде боевиков стало замечаться тяготение к переформированиям; некоторые отряды сами перестраивались во взводы, роты и батальоны. Первым таким батальоном был Южно-Уральский батальон, сформированный из Златоустовских и Симских заводских боевиков; в батальоне ощущался сильный недостаток в командном составе. Только переформирование Б. О. в красноармейские части испустило указанные выше дефекты, однако переформирование это на Урале сильно затянулось и лишь в сентябре 1918 года последняя Б. О. вошла в кавалерийский полк имени тов. Володарского.

Отсюда ясно, что Б. О. Н. В. были необходимы и хороши во время обострения классовой борьбы, когда пролетариат боролся за власть, когда же пролетариат победил и начал строительство своего государства, эта импровизированная армия оказалась, по меткому выражению одного из деятельных участников ее неудачных операций, — палочкой в руках великана, палочкой, которой нельзя бороться с капиталом всего мира.

Из деятелей Б. О. Н. В., кроме названных выше братьев Кадомцевых, следует указать еще некоторых работников Златоустовской Б. О., сыгравших видную роль в истории развития вооруженных сил Урала,—это тов.: Дм. Чудинов, А. Чевардин, В. Коршов, Шестинко Виганит, В. Сурков—все большевики дооктябрьские. Эти товарищи отличались большей храбростью и служили украшением Б. О.

Остановлюсь еще немного на кратком очерке Одесской Красной Гвардии, имевшей некоторые свои характерные особенности.

Одесская Красная Гвардия к октябрю семнадцати того года насчитывала в своих рядах до 3.000 человек и состояла из заводских отрядов, Интернациональной Гвардии и отряда рабочей молодежи. Заводские отряды Одесской Красной Гвардии сформировались еще в марте семнадцатого года, но первоначально они не стояли на советской платформе, а заняли советскую позицию только после июльского выступления в Петербурге.

Заводские отряды формировались по заводам и фабрикам и были объединены Штабом Одесской Красной Гвардии и в своей организации мало чем отличались от красногвардейских частей Петербурга. В этом отношении совершенно обособленно стояла Интернациональная Красная Гвардия и красногвардейский отряд рабочей молодежи.

Интернациональная Гвардия была сформирована в Одессе из австро-венгерских и германских военнопленных и китайцев, стоявших на советской платформе; состояла она из 3 батальонов по 3 роты в каждом общей численностью в 1.000 человек при 7 пулеметах и 1 орудии. формировали ее тов. Николай Илчох и Адольф

Шипек, начиная с января 1918 г. По своему составу Интернациональная Гвардия была разнородна и только 15% насчитывалось интернационалистов-коммунистов, остальные принадлежали к различным левым партиям и к сочувствующим. Штаб состоял исключительно из бывш. офицеров.

После занятия, в марте 1918 г. Одессы немцами Интернациональная Гвардия с боем отошла к Феодосии, выдержав упорный бой под ст. Джанкой с немецкими регулярными войсками. В этом бою особенно отличилась первая рота, состоящая из китайцев. Из Крыма Интернациональная Гвардия была двинута к Царицыну, где отбросила белогвардейцев и принимала участие под руководством тов. Минина и Тулаке в обороне Царицына от нападавших врагов советской власти и, затем, в силу приказа штаба обороны г. Царицына была переформирована в рабочий полк г. Царицына.

Красногвардейский отряд рабочей молодежи г. Одессы был организован тов. С. Урицким при содействии тов. А. Златопольского. К организации отряда было приступлено летом семнадцатого года, в состав его вошли рабочая молодежь и солдаты старой армии, за исключением только двоих товарищей; партийный состав был таков: 90% большевиков и 10% безпартийных и левых с-ров.

После эвакуации Одессы заводские отряды Красной Гвардии были расформированы, осталась только часть отряда рабочей молодежи, которая с того времени до конца украино-немецкой компании обслуживала броневой поезд тов. Полунанова. Разделился отряд на две части при отходе от Одессы. Одна часть его сгруппировалась на броневом поезде, а другая отсту-

пила к Херсону, где была почти полностью уничтожена прибывшими из Одессы на автомобилях немцами.

В декабре, семнадцатого года и в январе восемнадцатого, отряд рабочей молодежи принимал участие в уличных боях в Одессе, а именно: в ночь на 1-ое декабря отряд лихим налетом взял в плен отряд гайдамаков с автомобилями, на другой день он обезоружил 2 роты сербов, а в следующую ночь занял телефонную станцию при чем особенно отличился тов. Вичман, бросившийся вперед под пулеметным огнем противника, увлекая за собой товарищей.

В ночь на 15-ое января, отряд без боя занял правительственные учреждения и военные склады Одессы, обезоружив гайдамаков. В следующую ночь занял артиллерийское и пехотное военное училище, несмотря на упорное сопротивление превосходных сил юнкеров и белогвардейцев. Когда пехотное училище было занято, белогвардейцы подвезли артиллерию и стали громить здание, занятое несколькими красногвардейцами; последние отстреливались, выбивая меткими выстрелами из рядов наступающих наиболее дерзких. Белогвардейцы предложили красногвардейцам сдаться; тов. А. Златопольский с 7 дружинниками с презрением отверг предложение. Училище было взято штурмом и Златопольский со своими товарищами расстрелян.

В январьских боях отряд потерял свыше 300 товарищей убитыми и до 400 ранеными; в боях с немцами под Херсоном потери были колоссальны и цифру убитых и раненых до сих пор не удалось установить.

По свидетельству тов. Урицкого в отряде

рабочей молодежи «дисциплина была воистину железная; авторитет начальников значительный; моральное состояние — непостижимо высокое».

Но не все краснотвардейские части являли примеры доблести, беззаветной храбрости и высокого революционного духа, к прискорбью приходится констатировать факты глубоко печальные, свидетельствующие о малой сознательности рабочих масс в глухих провинциальных городках, куда не проникало бодрящее слово преданного делу раскрепощения труда агитатора. О таких фактах с искренней скорбью повествует бывший секретарь Главного Штаба Петербургской Красной Гвардии, ныне красный офицер генштаба тов. Вл. Павлов. Он пишет следующее.

«Красная Гвардия г. Речицы, 100 чел., жалкие трусы, тотчас по приезде в Жлобин удравшие оптом и в розницу. Гомельская Красная Гвардия в том же роде, но несколько лучше; держалась на позиции до первого напора белых легионеров».

Это темные страницы в красной книге истории рабочей Гвардии семнадцатого года. Пусть они послужат в назидание потомству, которому придется еще не раз братья за оружие в защиту завоеваний социализма против натиска мирового капитала.

* * *

Вот краткий очерк истории Красной Гвардии, от первого дня появления ее на мировом театре гражданской войны до начала восемнадцатого года. Конечно в этом очерке много пробелов, много недочетов, много недостаточно обследованного материала, в нем нет описания доблестных подвигов Фикской Красной Гвар-

дни, описание ее борьбы с Маннергеймом, нет в истории Венгерской Красной Гвардии. . . Многого нет; этот очерк, первая попытка систематизировать имевшийся под рукой материал, дает толчек пролетарской мысли в направлении создания подлинной истории Красной Гвардии. Может быть боевые товарищи красногвардейцы прочитав этот бледный очерк возьмут в руки перо и поспешат запечатлеть, те моменты, которые им пришлось пережить и создадут, таким образом, драгоценнейший материал для составления подробной яркой истории Красной Гвардии.

*Грону Ванс
Горюхинов*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Что такое Красная Гвардия и для чего она нужна?	3
II. Как родилась Красная Гвардия	8
III. Красная Гвардия Парижской Коммуны . .	13
IV. От Парижской Коммуны до первой русской революции	27
V. Красная Гвардия в 1905—1906 годах . . .	35
VI. Красная Гвардия в 1917 году в Петербурге и Москве	65
VII. Красная Гвардия в провинции	90

77/1 209a

Прислал я в городе Яковъ
всѣмъ командированъ изъ войскъ
войска прислалъ 17/1 2010

неправильно. Свои обязанности
принимая, конечно, являясь епископом
Г. Девяка, в президиум митро-
политов, востановил
рутин. Неправильно, епископ
мне отвечает. Тогда пойду
президентом для тогда в
епископ. Передаю. Знаю
это, епископ, епископ, епископ
епископ, епископ, епископ
епископ, епископ, епископ

Прихожу во второй день
и думаю Телери Трени
и на мне вломил
Ниданено и в город
и на нас все к нам
и думаю сей день

Ударил Кетан
конечно Тосемин, при
мн как и форшало
Тосемин и тут. А прохит
3 1/2 дня, а после конечно
курсау и Тосемин
разом 3-4 найми
и Тосемин и Тосемин
своей метицею
сидит 18 утра Тосемин
6.2 Тосемин и Тосемин
на Тосемин Тосемин
5 верей Тосемин при

3 1/2 3 1/2 1 1/2

6852

3,30 (1987)

РАСЦЕ
**В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ ВЫХОДЯТ
ИЗ ПЕЧАТИ:**

Сидоров. Труд и социализм в искусстве.

Рейнак Орфей. Всеобщая История Ремесла.

Термидор (Последние дни Робеспьера).

В. Гусин. Русская История ч. I.

Цена 10 руб.

РЛ 6852 4